КНИГА ИЗДАНА В 16 СТРАНАХ

Филипп Дж. Дюбуа
Элиз Руссо

как ласточки относятся к смерти,
горлицы сохраняют романтику в отношениях,
а утки спасаются от стресса

«Ф. Дж. Дюбуа. Э. Руссо. Удивительная философия птиц. Как ласточки относятся к смерти, горлицы сохраняют романтику в отношениях, а утки спасаются от стресса»: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-102031-6

Аннотация

Птицы – удивительные, ни на кого не похожие существа. Они живут соразмерно своей природе, глубоко чувствуя себя и свой ритм, не обращая внимания на чужие мнения и ожидания. Долгое время Филипп и Элис провели, наблюдая за птицами в их естественной среде обитания. В своем мировом бестселлере они делятся поразительными историями о поведении и психологии птиц, невольно проводя параллели с нами, людьми.

Филипп Дюбуа, Элиз Руссо
Удивительная философия птиц. Как ласточки относятся к смерти, горлицы сохраняют романтику в отношениях, а утки спасаются от стресса

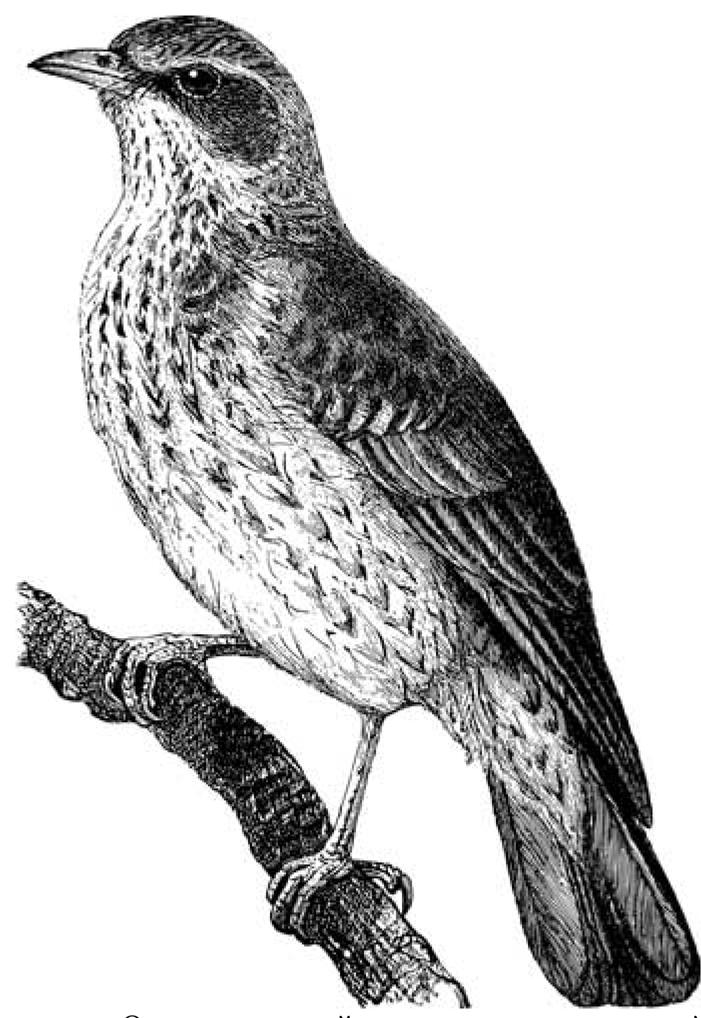
Philippe J. Dubois
Elise Rousseau
Petite Philosophie des Oiseaux

* * *

Посвящается Пьеру и Анне

Текст главы «Философия купающейся курицы» взят из книги Элиз Руссо «Все для моей курицы».

Введение

На ограду уселся дрозд. Он весь черный, а клюв у него желтый, и глаза блестят. Присмотритесь к нему. Видите, как он счастлив оттого, что он дрозд! Вот он прыгает по газону, высматривая червяка. Не кажется ли вам, что жизнь его плещет через край? Если бы мы были так же довольны собой и своей жизнью, как этот дрозд, нам, безусловно, жилось бы гораздо проще.

В сказках и легендах птицы часто выступают в роли наставников, проводников и вестников. Синяя птица Метерлинка[1] символизирует счастье. В средневековой персидской поэме «Беседа птиц»[2] рассказывается о том, как тридцать пернатых по собственной инициативе отправились на поиски своего царя. Каждая из этих птиц олицетворяет определенные человеческие качества. Дикие гуси Сельмы Лагерлеф уносят мальчика Нильса Хольгерссона[3] в путешествие, которое оказалось не только захватывающим, но и поучительным, из путешествия он вернулся другим человеком.

Символом Афины, греческой богини мудрости, был сыч. Это такая пухленькая сова с золотыми глазами. Грациозные аисты любимы всеми родителями потому, что приносят в их дом детей. А что уж говорить о белой голубке, держащей в клюве оливковую ветвь, библейский символ мира, или о ласточках, с возвращением которых наступает весна!

---

[1] «Синяя птица» – пьеса Мориса Метерлинка в 6 актах, написанная в 1908 году.

[2] «Беседа птиц» – эпическая философская поэма персидского суфийского мыслителя Аттара.

[3] «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции» – сказочная повесть, написанная Сельмой Лагерлеф. В сокращенном варианте известна также под названием «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями».

Но в наши дни, в XXI веке, способны ли птицы чему-нибудь нас научить?

Давайте ненадолго станем орнитологами и понаблюдаем за этими существами. Результаты наблюдений заставят нас задуматься о самих себе. Мы ведь думаем, что находимся на вершине эволюции, и считаем себя царями природы! Но стоит только присмотреться…

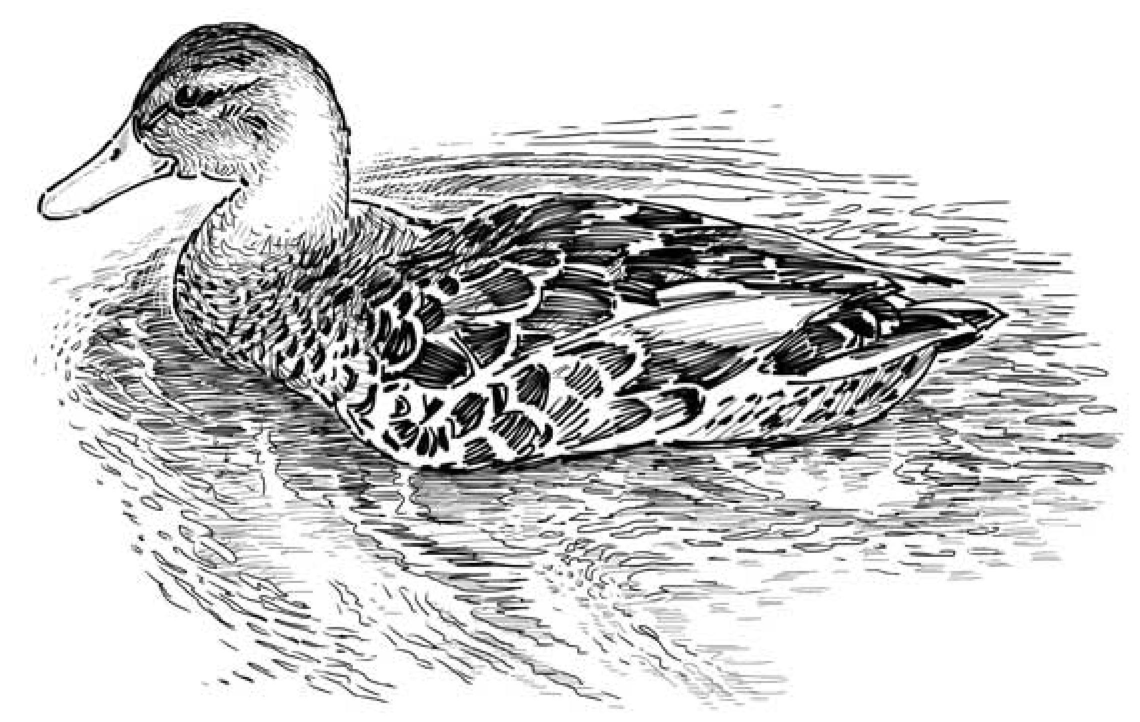
Если принять во внимание научные исследования, главным образом социологические и поведенческие, а также известную с незапамятных времен символику, используемую в литературе и мифологии, то не окажется ли, что птицы – это не что иное, как бескомпромиссное зеркало, в которое было бы полезно посмотреть на себя гордому *Homo sapiens* ?

Давайте посмотрим, чему эти крылатые животные могут нас научить. Не стоит ли нам обратить внимание на то, как устроены у них общественные связи, как происходит ухаживание, как выполняются родительские обязанности, и даже на то, как они моются?

Как устроены у птиц любовные отношения? Они верны друг другу или полигамны? Их поведение спокойное или разнузданное? Почему одни из них заядлые путешественники, а другие неисправимые домоседы? Почему одни предпочитают долго воспитывать своих малышей, а другие норовят побыстрее приучить их к самостоятельности? Почему супруги-горлицы – непревзойденные мастера делить между собой домашние обязанности, а турухтан – непоколебимый мачо? Как устроена повседневная жизнь птиц, как они ведут себя в дождь, когда дует ветер, ночью, когда восходит луна, когда на небе высыпают звезды? Правда ли, что они прячутся перед смертью?

В своих рассуждениях мы будем опираться на последние научные исследования, а также на те выводы, которые были сделаны после неимоверно долгих наблюдений во всех уголках мира: на берегах рек, в тропических лесах, в песчаных дюнах. Достижения науки и результаты собственных работ убедили нас в том, что в мире наших крылатых братьев есть чему поучиться. Птицам, этим скромным наставникам, таким непосредственным и проворным, есть что нам сказать. Главное – чтобы мы были готовы их выслушать.

Человек, помни: ты не железный! Как утка справляется с кризисом

В жизни птиц, как и в наших, бывают события, напоминающие маленькую смерть, после которой происходит возрождение. Примером тому служит линька. Что значит для птицы потерять оперение, а затем обрести новое, лучше прежнего? Это равносильно тому,

чтобы научиться постоянно обновляться, даже если для этого вам необходимо преодолеть трудности. Конечно, каждый из нас постоянно теряет какое-то количество волос. Но мы, представители человеческой расы, даже представить не можем, что означает линька. А ведь нам тоже было бы неплохо иной раз пройти через это. Особенно полезно это было бы в критические этапы жизни, например, когда случаются любовные трагедии, траур, когда мы теряем работу или переезжаем. В такие моменты мы совершаем нечто похожее: обновляем гардероб, делаем новую прическу, меняем образ жизни. Но все это мы делаем слишком редко.

> Чтобы обрести способность к возрождению, человек должен научиться спокойно переносить ситуации, когда внутри него что-то умирает.

Именно это происходит с птицей, когда она меняет износившиеся перья на новые. Для птицы это жизненно необходимо: если она не приведет свое оперение в хорошее состояние, то попросту не сможет летать. Так же обстоит дело и с нами, людьми: если мы не можем освободиться от прежней жизни, то, как правило, теряем способность идти дальше.

В период смены оперения птица очень уязвима. Иногда она даже какое-то время не может летать. Это характерно для некоторых пород уток. Такое состояние называется кризисным. Веселенькое название для периода в жизни птицы, когда она как бы выносит себя за скобки, в которых заключена ее жизнь, и ждет, когда вместо выпавших перьев отрастут новые! В этот момент птица отдает себе отчет в собственной уязвимости: она ведет себя очень тихо и не предпринимает ничего существенного. Она терпеливо ждет, когда произойдет обновление и к ней вернутся сила и красота.

Хорошо бы и нам иногда поступать так же.

Современное общество непрерывно требует от нас полной отдачи. Мы разучились переживать кризисные периоды, когда, осознавая собственную уязвимость, следует копить ресурсы и набираться сил. Сколько раз в дни траура вам приходилось слышать: «Но ведь жизнь продолжается»? Говорили ли вам, когда у вас разрушилась личная жизнь: «Одного потеряла – десятерых найдешь»? А говорили вам после потери любимца: «Послушай, это всего лишь животное»? Но ведь мы имеем полное право на печаль, на то, чтобы уйти в себя. И если задуматься, то станет ясно, что после дней траура жизнь уже никогда не будет прежней. Конечно, жизнь подарит новое счастье, будут новые встречи, но зачем отказываться от переживаний? Мы словно лишились права на выжидание, на длительное выздоровление от печали, на все то, что равноценно жизненно необходимой линьке.

Мы сами себе подрезаем крылья…

Давайте сами устраивать себе линьку! Давайте в периоды больших и малых затруднений примерять на себя кризисное оперение. И тогда мы научимся становиться сильнее и красивее и будем, как птицы, легкими и проворными.

Небольшой урок семейного равенства. О чем думает горлица

Создается впечатление, что представление о том, как живут самки птиц, мужчины почерпнули с пасхальных картинок. Им такое представление по душе, но оно совершенно не соответствует действительности. Мужчины полагают, что самка недвижимо и самоотверженно высиживает яйца в гнезде, которое построил самец, а сам он, выпятив грудь, поет на какой-нибудь верхушке дерева или, распушив перья, красуется на виду у всех. А потом та же самка, скромная и молчаливая, в тусклом оперении безостановочно выкармливает птенцов, тогда как самец уже полетел на поиски новых приключений.

Картинка, конечно, выглядит карикатурно, но в чем-то она соответствует действительности. Именно так обстоят дела у уток. У селезня пестрое оперение, и особенно шикарно со своими длинными перьями он выглядит весной. У самок же оперение тусклое, как правило, коричневое или черно-белое. На самом деле это прекрасный камуфляж, позволяющий даме сливаться с землей, ветками, камышом или травой как раз в тот период, когда она строит гнездо и высиживает яйца. Обустраивая гнездо и стараясь, чтобы его дно было мягче, утка иногда использует пух, который выщипывает у себя на животе. Целых три недели она недвижимо сидит на яйцах, укрытая от посторонних глаз, и лишь на несколько секунд покидает свою драгоценную кладку, чтобы размять лапки и немного подкрепиться. Ну а самец уже давно прохлаждается в компании себе подобных и ближе к концу весны начинает линять. Некоторое время он даже вынужден жить почти в таком же одеянии, какое носит его половина. В этот непростой период он, как правило, не способен летать, и часто становится легкой добычей хищников. Поэтому во время линьки селезень старается пересидеть в уединенных местах и вообще избегает любых встреч. Что касается воспитания подрастающего поколения, то тут все ясно. Занимается этим лишь самка, которая так и не расстается со своим скромным нарядом. Дождавшись, когда утята вылупятся из яиц, она сразу перебирается вместе с ними к воде, и до тех пор, пока они не научатся летать, ни на шаг от них не отходит. В это время утка не теряет бдительность ни на секунду, при любой опасности мгновенно бросается на защиту потомства и при этом озабочена поиском корма

для десятка маленьких клювиков. Но, несмотря на все ее усилия, выводок, изначально состоявший из 10–12 утят, из-за непрерывных происков хищных врагов сокращается буквально на глазах. К тому моменту, когда молодняк собирается в первый полет, их, как правило, остается не больше двух или трех, а то и ни одного… Как только молодежь начинает самостоятельную жизнь, утка-мать должна в кратчайшие сроки пройти через линьку, потому что уже приближается время ежегодной миграции и на подготовку к перелету у самки остается лишь несколько недель. Все это забирает у утки последние силы, так что шансов на выживание у нее гораздо меньше, чем у ее партнера. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в популяциях некоторых видов уток численность самцов заметно превышает численность самок.

Но в природе мы сталкиваемся не только с привычным образом заботливой самки. Существует и другой тип поведения, который, впрочем, встречается довольно редко. Речь идет о таких случаях, когда самка руководит устройством семейной жизни, а самец выполняет распоряжения своей дамы. Это характерно для всего обширного семейства прибрежных птиц (улитов, бекасов, ржанок, вальдшнепов и т. д.), представителей которых мы видим в периоды миграции или зимой бегающими по пляжам и побережьям. То же самое можно сказать обо всех видах плавунчиков и евроазиатских хрустанах. На самцов, относящихся к этим видам, взваливается вся работа. О плавунчиках мало что известно. Ареалом их обитания является арктическая тундра. Когда у них завершается репродуктивный цикл, плавунчики отправляются в открытое море и проводят там остаток дней, что совершенно не характерно для птиц, живущих на суше. Что касается хрустанов (они близки к ржанкам), то эти красивые птицы также обитают в арктическом ареале. В зимний период они мигрируют, добираясь до Северной Африки и Среднего Востока. Известны эти птицы тем, что они абсолютно не выносят присутствия людей. Впрочем, откуда взяться людям на просторах тундры?

У этих видов птиц самец и самка как бы меняются местами, и самка занимается тем, что у других видов обычно делают самцы. В частности, у самок гораздо более цветистое брачное оперение, тогда как самцы выглядят весьма невзрачно. Именно самка занимается выбором партнера, отбирая для спаривания одного или нескольких самцов. Дамы ведут брачные игры, соблазняют самцов, вьются вокруг них и даже участвуют в показательных боях. Покончив с подготовительным этапом, самка дает понять самцу, где он должен выкопать ямку, которая будет служить гнездом. Когда гнездо готово, она откладывает яйца и… удаляется. Именно на самца возлагается обязанность в течение трех недель высиживать кладку. А потом этот холостяк-одиночка еще и будет воспитывать свой выводок. Случается, что самка возвращается и явочным порядком пытается присвоить себе право защищать выводок в случае какой-либо опасности. Но, как правило, самцу не нравятся такие попытки внести свои пять копеек, и он прогоняет ее. Птенцы этих видов не склонны рассиживаться в гнезде. Едва вылупившись, они уже способны сами искать корм под руководством одного из родителей. Самцы хрустанов, конечно, добросовестны, но не так терпеливы, как обычные самки. Довольно часто они оставляют свой выводок еще до того, как птенцы научатся летать.

Существует еще один оригинальный подход к организации семейной жизни, которого придерживаются некоторые виды птиц: делаются две кладки, одна для самца, другая для самки, и каждый сам разбирается со своим хозяйством. Так ведут себя некоторые мелкие кулики, проживающие в районах Крайнего Севера. Например, у грязовиков совместная жизнь продолжается всего несколько недель. За это время самка спаривается с партнером (иногда с несколькими), помещает первую кладку яиц в одно гнездо, следующую – во второе, а потом каждый из партнеров в одиночку занимается только своим гнездом и своими яйцами. Можно задаться вопросом: чем обусловлено появление таких семей? Ответ довольно прост: эти птицы проводят очень мало времени в таких высоких широтах, так как период, благоприятный с точки зрения погодных условий и возможностей пропитания, там крайне непродолжителен. Делая две кладки, за каждой из которых ухаживает один из родителей, эти виды птиц оптимизируют время нахождения в данном месте и тем самым

увеличивают шансы на выживание потомства.

Но приведенные примеры поведения птиц нельзя считать нормой.

Чаще всего в процессе воспитания потомства присутствуют сотрудничество и взаимопомощь с разделением обязанностей. Это, разумеется, наилучшая стратегия, она позволяет максимизировать вероятность выживания птенцов. Вдвоем всегда легче решать проблемы, чем в одиночку. Возьмем, к примеру, горлиц. Это твердые приверженцы моногамии. Их жизнь – это практическое воплощение феминистской модели существования.

В семье горлиц обязанности распределены строго поровну. Ключевым словом, характеризующим отношения в семье, является взаимопомощь. Обязанность самца состоит в сборе веточек, а самка сооружает из этих материалов гнездо, как правило, не очень замысловатое.

Так же обстоит дело с высиживанием: самец и самка обеспечивают непрерывность высиживания, сменяя друг друга. И оба занимаются кормлением птенцов, пока те, две недели спустя, не покинут гнездо. Такое вот безусловное взаимодействие… Горлицы действуют как команда. Эта слаженность объясняется тем, что на их выводки часто нападают хищники. Кроме того, гнезда у них весьма хрупкие и в непогоду могут развалиться. Если с гнездом что-нибудь происходит, тогда птицам приходится заново приниматься за работу. Выдержать все это способна лишь сплоченная моногамная семья. В ситуации горлиц такой тип семьи зарекомендовал себя настолько хорошо, что если после первой кладки птенцы доживают до вылета из гнезда, то через несколько дней родители уже готовы начать все сначала. Если все складывается благополучно, то за период с конца зимы до начала осени горлицы могут несколько раз произвести потомство.

> В птичьих семьях можно встретить самые разные варианты распределения обязанностей. Те, кто пытается на примере этих животных доказать, что чисто мужское сознание нам дано от природы и тип поведения в стиле мачо можно легко объяснить, на самом деле просто ищут себе оправдание…

В самом деле, почитайте старые работы натуралистов (самцов, разумеется), навязывающие стереотип о том, что самка настолько предана своему выводку, что, даже будучи брошенной своим партнером без колебаний, жертвует собой ради выживания потомства. Возможно, в прежние годы еще не знали, что у некоторых видов птиц роль самки абсолютно не соответствует этой картинке, но и после того, как выяснили реальное положение дел, никто не торопился донести результаты этих открытий до широкой публики.

Безусловно, было бы полезно усвоить следующий вывод: большинство птиц считают оптимальным такой вариант поведения, когда обязанности распределяются между партнерами. Будьте уверены: до этого они додумались гораздо раньше нас!

Усвоить полезную привычку – это искусство. Как птицы демонстрируют нам красоту повседневной жизни

В своих привычках птицы консервативны. Вся их жизнь подчинена четкому распорядку. В строго определенные часы они едят, пьют, отдыхают, у них есть установленное время для соблазнения партнера, производства потомства и его воспитания, а для птиц, не ведущих оседлую жизнь, есть установленное время для миграций и т. д. Их жизненный цикл подчиняется точному, выверенному порядку. Но в основе этих привычек лежит отнюдь не выдуманный ритуал. Действия птиц зависят от природных ритмов: время восхода и захода солнца изменяется в течение года, меняется уровень освещенности по ночам в зависимости от фаз луны. К этому еще добавляются сезонные и метеорологические явления: дождь, ветер, жара, туман, буря. Жизнь птиц проходит на открытом воздухе, и ее никак не назовешь рутинной. Они вынуждены постоянно приспосабливаться к тому, что приготовил им новый день, как к хорошему, так и к плохому.

Например, надо иметь в виду, что птицам очень не нравятся дождь и ветер. Редко можно увидеть, чтобы они летали в такую погоду. В таких случаях они прячутся среди веток и листвы деревьев и делают вид, что даже слышать ничего не хотят. Все это хорошо известно владельцам кур: во время осадков куры и клюва не высунут из курятника. Они могут целые дни напролет с отсутствующим видом и потухшим взглядом сидеть на насесте и ждать, когда закончится это безобразие. Но стоит небу хоть немного проясниться, как вся ватага несется вон из курятника и принимается рыться, резвиться и тащить все, что попадется.

Многим из нас жизнь кажется монотонной (как говорится, «дом – работа – дом»). А происходит это потому, что, сидя в офисах за компьютерами, мы не замечаем, как меняются времена года. Вот и получается, что время идет незаметно, а там глядишь – и умирать пора. Ведь теперь в большинстве своем мы ведем оседлый образ жизни и целыми днями сидим в закрытых помещениях. Все неожиданности, происходящие каждый день, каждый час, каждую минуту, попросту до нас не доходят. Мы до боли в глазах пялимся в экран и не замечаем, что за окном накрапывает утренний дождик. Мы не почувствовали усиления ветра, не ощутили, что солнышко стало греть сильнее. «Какая там у вас погода?» – спрашивает по телефону звонящий издалека родственник. А нам даже немного стыдно признаться, что мы и не обратили на это внимание: «Э-э-э, погоди, посмотрю в окно… ну да, немного облачно…» Мы и весной-то не успели насладиться, а уже настала осень. Все происходит молниеносно, ритм жизни задается похожими друг на друга днями, и мы не замечаем, как растет трава, распускаются цветы, виноград набирает сахар под лучами солнца. Ласточки собрались на проводах и надолго, на всю зиму, улетели. Вот ведь неисправимые путешественницы! Но разве мы наблюдали их прощальный полет? Разве мы заметили, что в воздухе уже не

слышно их щебетания? Нет! Мы обратим на них внимание, лишь когда они возвратятся следующей весной. И не более того.

Но люди, работающие на открытом воздухе, живущие на природе, всегда видят, как прилетают и улетают ласточки. Подобно шныряющей в кустах славке или крапивнику, они замечают даже мельчайшие явления погоды, которые, как вехи, размечают текущее время. Они-то точно знают, что жизнь совсем не монотонна. Фермер смотрит на небо и понимает, что скоро начнется дождь. Так же в единении с природой живут лесники, моряки, проводники в горах. Когда живешь лицом к лицу с природой, надо уметь адаптироваться к ее капризам, при необходимости менять свои планы, предвидеть все заранее, можно даже иной раз выйти из себя, если все пошло не так, как хотелось. Когда выбираешься из своего убежища на простор, сразу оказывается, что жизнь полна сюрпризов. А когда каждый день сталкиваешься с нестабильностью окружающих условий, тогда самому уже хочется придумать для себя какие-нибудь симпатичные привычки. Если всегда в одиннадцать часов пьешь кофе, жизнь становится приятнее. То же самое, когда вечером по воскресеньям смотришь фильмы. От вредных привычек вы впадаете в тоску, жизнь от них становится мрачной и унылой, они подчиняют себе и лишают подвижности. Другое дело – полезные привычки, благодаря которым жизнь гармонично распадается на составные части, а время обретает ритм. Такие привычки необходимы птице, которая, возвращаясь каждый год, строит свое гнездо в одном и том же месте, но они необходимы и человеку, стремящемуся туда, где есть хорошие воспоминания. В жизни, богатой событиями и наполненной неожиданностями, привычка становится своего рода местом притяжения, ориентиром, точкой отсчета. Недаром даже самые отчаянные любители приключений, отправляясь в дальний путь, совершают известные только им ритуалы. Уж эти ребята точно проводят свою жизнь не в домашних тапочках!

> Таким образом, если мы готовы извлечь какой-то урок из жизни птиц, то звучать он будет так: надо стать ближе к природе, и тогда жизнь наполнится острыми ощущениями и разными сюрпризами.

Может быть, стоит ко всем нашим привычным действиям добавить привычку чаще обращать внимание на окружающий мир? Может быть, нам следует обострить наши чувства, наше зрение, обоняние, слух, чтобы открыться миру и лучше чувствовать все, что нас с ним связывает? Давайте начнем следить за полетом птиц, будем слушать щебетание ласточек, мелодичное пение дрозда, давайте вставать по ночам и смотреть, как из-за горизонта поднимается полная луна, и пока она встает над миром, такая торжественная и прекрасная, мы услышим, как ночную тишину нарушает таинственное уханье лесной совы. Впустите поэзию в свою жизнь, и тогда с монотонностью существования будет покончено навсегда.

Куда пропала наша способность ориентироваться? Монголы, веретенник и кукушка

Июнь 2016 года. Мы находимся в Монголии, где-то в глубине пустыни Гоби. Это один из самых удаленных и опасных уголков планеты. В составе экспедиции пять французов и шесть монголов. В автомобилях нет ни навигаторов, ни мобильных телефонов: они все равно здесь не ловят. Кстати, карты тоже отсутствуют. А зачем они нужны? Дорог ведь тоже нет.

Направление движения определяют сами люди и только люди. Монголы, само собой. Они ориентируются по форме гор, мельчайшим деталям ландшафта, которых не в состоянии заметить европейцы. Здесь на десятки тысяч квадратных километров равнина лишь изредка вспенивается барашками низких холмов и горными вершинами. Бескрайнее пространство покрыто щебнем, часто попадаются теряющиеся из виду пересохшие русла рек. Здесь до такой степени одно похоже на другое, что европейскому глазу не за что зацепиться, невозможно ничего запомнить и выбрать что-либо в качестве ориентира. Одни, без монголов, мы бы уже давно пропали.

Наступил вечер. Начальник экспедиции, монгол, заметил какие-то древние тропы и очень уверенно показывает водителю, как лучше проехать. Мы, страшно удивленные тем, с какой уверенностью он ориентируется в пустыне, спрашиваем у него: «Когда ты здесь был в последний раз?» «О! – отвечает начальник экспедиции. – Двадцать лет тому назад…» Мы ошеломленно замолкаем. А между тем мы ни разу не заблудились. Двинувшись по какому-то подобию тропы, которая проходила между двумя горами, ничем не отличающимися друг от друга, мы добрались до озера, на берегу которого собирались заночевать. Монголы, один из последних на земле кочевых народов, сохранили инстинктивное чувство ориентации. Оно сидит в них так же глубоко, как в перелетных птицах. Ну а мы, бедные люди Запада, мы-то где его потеряли?

Как и у монголов, у птиц нет ни компаса, ни GPS, ни карты. А с другой стороны, у них все это есть, как говорится, «в одном флаконе».

Возьмем, к примеру, малого веретенника. Эта небольшая ржанкообразная птица, близкая к куликам, проводит часть жизни на прибрежных болотах и в дельтах рек, а весной улетает гнездиться в Арктику. Одну такую птицу оснастили спутниковым радиомаяком и обнаружилось, что она способна в один перелет преодолеть расстояние между Аляской и Новой Зеландией, а это более одиннадцати с половиной тысяч километров… Для этого необходимо без перерыва лететь целую неделю со средней скоростью 70 километров в час! И такое проделывает существо весом всего двести пятьдесят граммов… Во время этого беспосадочного полета птица спит, но в сон погружена только половина ее мозга. Представьте себе на минуту, что у вас одно полушарие мозга спит, а другое в это время

тычет пальцем в смартфон или ведет машину…

Что касается кукушки, то у нее маршрут перелета запрограммирован с рождения. Кукушка появилась на свет в чужом гнезде, ее собственные родители ею не занимались. Но вот приходит июль, и одним прекрасным вечером она улетает в Африку, причем летит по ночам, не имея никакого опыта перемещения по этому маршруту. Как же она добирается до самой чащи леса в Экваториальной Африке, куда ни разу до того не ступала ее лапка? Что же это за чувство, которое так сильно развито у птиц, но которого совсем нет у нас? А может быть, оно у нас было, но мы его утратили?

Мы, в отличие от монголов и перелетных птиц, полностью потеряли умение ориентироваться. Мы уже не в состоянии читать ландшафт, звезды и саму природу, которые превратились для нас в декорации. Мы стали слепыми путниками, способными идти или ехать, лишь следуя указаниям механического голоса из GPS. Мы перепоручили другим, хуже того – машинам, решение важнейшей задачи: правильно выбирать направление движения. Что будет, если нас высадят в незнакомой местности, пусть даже не более чем в пятидесяти километрах от дома, без возможности заглянуть в карту и спросить у кого-то? Как долго мы будем плутать, пока не найдем (если найдем) верную дорогу? Не говорит ли это о том, что мы утратили важнейшую вещь, в которой воплощена мощь человеческая, а именно базовую способность к ориентации, к самостоятельному передвижению в правильном направлении? Так стоит ли удивляться, когда нам кажется, что мы не можем найти верную дорогу в жизни и не можем понять, куда двигаться дальше? Мы полагаем, что все постигли, все освоили, но как только оказываемся в незнакомом, хоть и «цивилизованном» уголке природы, теряемся и становимся уязвимыми, словно птенцы.

Помимо монголов, в мире есть и другие народы, представители которых способны самостоятельно ориентироваться в пустыне или в лесной чаще. Но встречаются они все реже. С точки зрения способности к ориентации наш мозг, конечно, устроен не так сложно, как мозг малого веретенника или кукушки. Но ведь мы можем ориентироваться по звездам и даже посредством анализа поляризованного солнечного света.

Действительно ли мы потеряли это основополагающее чувство? Если понадобится, сможет ли человек за несколько дней или месяцев или за время жизни нескольких поколений пробудить ото сна этот древний инстинкт? Как это узнать?

> В наши дни мы путешествуем для собственного удовольствия, нас не беспокоит, как мы доберемся до места назначения, надо лишь подешевле купить билет на самолет. Мы покорили пространство и время, но расплатились за это тем, что практически утратили один из важнейших навыков.

О чем думает веретенник, когда целых семь дней летит между небом и водой над Тихим океаном? Как именно у него течет время? В какой-то момент он сходит с маршрута, снижается, летит совсем близко к земле и видит лабиринты рек и болот Крайнего Севера, где все однообразно и глазу не за что зацепиться. Но в конце концов обессиленный веретенник садится именно там, где он гнездовал годом раньше.

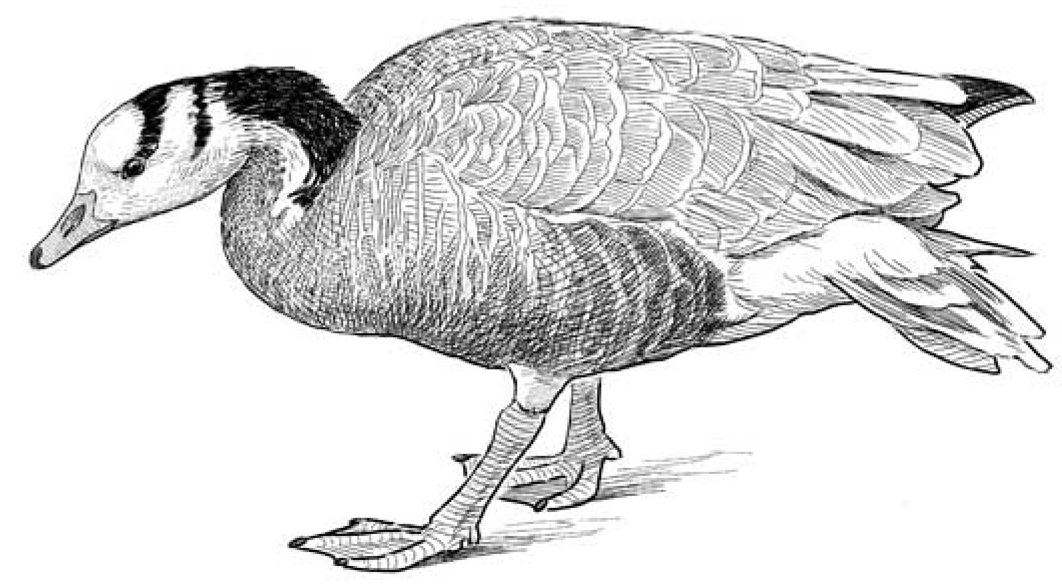
В наши дни мы перемещаемся гораздо быстрее, чем птицы. Но в чем заключается истинный прогресс?

Так все же, что заставляет улетать кукушку и других перелетных птиц? Что важнее всего в их перемещениях: почему это происходит или каким образом? А как устроен процесс наших собственных летних «миграций»? Сначала мы изучаем путеводители, карты, роемся в Интернете, затем отправляемся в само путешествие, где в нашем распоряжении имеется радио, GPS – в общем, целый арсенал средств, позволяющих нам правильно находить дорогу. А в распоряжении перелетных птиц имеется лишь способность к ориентации, а также моря, горы, весь раскинувшийся под ними ландшафт, а еще звезды, солнце и луна. И они не гибнут в дороге и благополучно добираются до места назначения.

Миграции животных, в особенности птиц, в значительной мере остаются загадкой. Ясно лишь одно: эти существа великолепно владеют имеющимися у них средствами и

прекрасно применяют свои возможности. Таковы и кочевники-монголы. А мы, люди Запада, на это уже не способны. Все бóльшая утрата инстинкта – это деградация, которая не компенсируется техническим прогрессом. Этот вывод в полной мере касается человеческого рода. Вспомните о птицах, когда неожиданно сломается ваш GPS.

Что же такое семья?. Мораль кукушки и гуся

Мы точно знаем, что значит слово «семья». Но тут не все так просто. Птицы, например, трактуют это понятие довольно широко. Достаточно сравнить понимание семьи кукушки, которая бросает малыша еще до его появления на свет, с пониманием гусей и журавлей, сохраняющих семейные связи даже после того, как птенцы покинули гнездо.

Так что же такое семья? Можно ли утверждать, что она изначально задана, неотделима от процесса воспроизводства или же представляет собой конечный этап эволюции? Амебы не живут семьями. Явление семейной общности встречается в основном у высших животных, главным образом, у млекопитающих и птиц.

У людей явление семьи с трудом поддается определению. Формы человеческой семьи обусловлены культурными факторами, и в понимании того, что такое семья, среди ученых нет единодушия. Одни признают семью только в классическом виде (мужчина, женщина, дети), а другие допускают различные варианты (семья с одним родителем, семья, образованная бывшими членами других семей, семья с однополыми родителями и т. п.). По этому поводу ведутся бесконечные, часто нелицеприятные, дебаты. Приверженцы строго классической формы семьи часто ссылаются на «природу» или «биологию», но они забывают, что в этом вопросе природа совершенно неоднозначна. Если бы спросили саму природу, то она могла бы дать примерно такое определение: семья – это ассоциация индивидуумов, позволяющая наиболее эффективно вырастить молодое поколение. Точка. Не имеет значения, кем являются эти индивидуумы, главное, что молодежь вырастает и начинает самостоятельную жизнь.

Семья – это место, где происходит процесс обучения молодого поколения. Тут важно, чтобы родители были внимательны и способны обучать и защищать. В идеале дело обстоит именно так. В действительности же встречаются недостойные родители, а также избыточно опекающие своих чад, бывает семья без отца, а бывает, что до детей нет дела матери. Точно так же обстоит дело и у птиц!

Для нас, носителей человеческой морали, кукушка – это типичный пример недостойного родителя. Партнеры встречаются только для спаривания, после чего они расстаются. Самка откладывает яйцо в гнездо птиц другого вида и, совершив это преступление, исчезает. На голову приемных родителей сваливается необходимость

выкармливать подкидыша, который не только не принадлежит к их виду, но и часто в четыре раза больше их самих, да еще норовит избавиться от своих братьев и сестер, выталкивая их из гнезда. Но, несмотря на все это, инстинкт размножения заставляет приемных родителей стойко выполнять свои обязанности. Следует также отметить, что у птиц одной или близкой породы бывают случаи сознательного усыновления птенца. Как видим, усыновление присуще не только людям.

У некоторых видов птиц обязанности отца ограничиваются лишь оплодотворением. После того как он сделал свое дело, только мать остается высиживать яйца и воспитывать потомство. Чемпионами тут являются утки. У некоторых ржанкообразных[4] все происходит наоборот: как мы уже знаем, самка лишь откладывает яйца, а затем исчезает, и все семейные обязанности ложатся на самца. Но есть птицы, которые могут служить образцом для нашего иудео-христианского общества: это журавли, лебеди, гуси и аисты. У этих птиц оба родителя обеспечивают высиживание яиц и воспитание потомства. Правда, в том, что касается аистов, следует отметить определенные особенности в выращивании птенцов.

Аисты стараются избавиться от аистят, как только те начинают демонстрировать способность к самостоятельной жизни. Зато у остальных видов птенцы остаются при родителях в течение нескольких недель после первого самостоятельного полета.

У гусей, стаи которых спаяны крепкими социальными связями, дело идет еще дальше. Узы между родителями и детьми остаются нерушимыми вплоть до окончания первой зимы, что редко встречается у животных. Для перелетных гусей такое поведение просто необходимо, так как позволяет молодым гусям познакомиться с путями миграции и местами зимовки. В течение зимы эти узы ослабевают, и с наступлением тепла взрослые гуси прогоняют свою молодежь.

Но у птиц также встречаются общественные формы выращивания подрастающего поколения! Некоторые птицы используют «групповой» метод воспитания. В колониях розовых фламинго родители объединяются и занимаются кормлением и воспитанием на основе взаимопомощи. Через несколько дней после того, как птенцы вылупливаются, их собирают вместе и организуют «ясли», в которых взрослым легче следить за детьми. Родители наведываются туда, чтобы покормить свое чадо, которое они находят без труда.

Таким образом, мы видим, что у птиц встречаются самые разнообразные формы семьи: от одного родителя до объединения в целевые группы. Но самое поразительное заключается в том, что у птиц именно родители разрывают связи со своими детьми, указывая им, подчас в очень грубой форме, что пришло время начинать самостоятельную жизнь. Такое психологическое «отлучение от груди» часто происходит после того, как родители снимают с себя обязанности по кормлению птенца, и отлучение может происходить весьма агрессивно, особенно если юнец продолжает упорствовать.

Кто хочет наглядно увидеть такую картину, может зайти на птичий двор. Там, если отлученный юнец не желает отставать от матери, то рискует как следует получить клювом по голове.

> Ни среди млекопитающих, ни среди птиц нет такого вида, в котором молодежь оставалась бы с родителями так долго, как это происходит у людей. Может быть, у нас такая зависимость уже стала патологической?

В подростковом возрасте усиливается напряженность в отношениях родителей и детей, и понятно, что в этот момент у взрослых возникает желание «отлучить от груди» свое юное создание, а тому, в свою очередь, хочется обрести независимость. Ни одна птица не

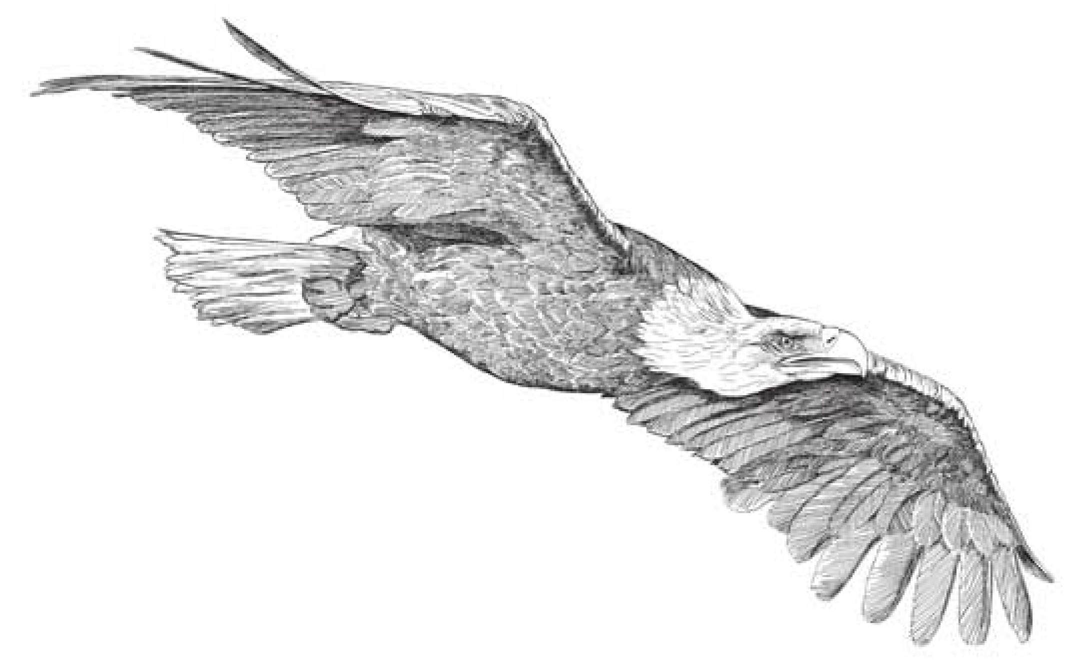
---

[4] Например, семейство Якановые, где самцы выполняют всю тяжелую работу, начиная от строительства гнезда и заканчивая высиживанием яиц, которые могут быть оплодотворены даже другими самцами. А самки якана, напротив, кокетничают и спариваются с как можно большим количеством самцов, в итоге оставляя самцов в гнезде одних.

испытывает желания выкармливать своего достигшего половой зрелости лоботряса. В раздражении человеческих родителей к своему чаду тоже есть что-то от древних времен, и это глубоко заложено в наших инстинктах. Но когда речь заходит о получении образования, родители-люди вынуждены терпеть своих великовозрастных детей, а те должны на несколько лет усмирить свою естественную склонность к самостоятельности. У животных такая ситуация, разумеется, в принципе невозможна. Все это нетрудно объяснить. Чтобы жить в нашем усложняющемся обществе, требуются обширные знания, а разрыв с семьей не способствует их получению. Но необходимо подчеркнуть, что ни одно животное не рассчитывает на то, что в старости получит помощь от своего отпрыска. У шимпанзе, продолжительность жизни которых составляет 40–50 лет, самостоятельная жизнь детенышей начинается в возрасте 5–6 лет. Это означает, что от 10 % до 15 % своей жизни шимпанзе зависит от своих родителей. У серого гуся этот же показатель составляет в среднем 6–8 %. А у Homo sapiens он приближается к 25 %, а иногда и превышает это значение.

В человеческом обществе родители берут на себя социальную ответственность и воспитательные функции. Это трансформирует семью в некую искусственную конструкцию, оторванную и от физиологических реалий, и от реального состояния среды, в которой она существует. При этом семья по-прежнему объединяет людей и функционирует как убежище, внутри которого происходит формирование будущих поколений. Функции семьи вышли далеко за рамки отношений между родителями и детьми как основы семейной жизни. Круг задач, решаемых ей, гораздо шире естественного назначения. С течением времени человеческая семья стала принципиально отличаться от семьи, распространенной в животном мире. То, что для гуся или аиста остается лишь этапом в процессе его существования, звеном в ходе непрерывного воспроизводства себе подобных, то для человека превратилось в устойчивое сообщество совместно проживающих людей. В его рамках формируются жизненно необходимые межличностные связи с сопутствующими правилами и табу, без которых невозможно существование современного общества. Заметьте, ласточкам, в отличие от людей, совсем не обязательно совместно отмечать Рождество!

В чем заключается истинная смелость? Орел и малиновка

Мы очень любим наделять человеческими качествами все окружающие нас живые существа. Во что бы то ни стало, мы стремимся наделить даром речи цветы. Роза могла бы сказать то, а василек – это. Очень, знаете ли, сентиментальный взгляд на вещи… Ну а если

вы интересуетесь животными, в особенности высшими животными, то с чисто субъективных позиций вы обязательно увидите в них человеческие манеры и черты характера.

Возьмем, к примеру, орла. Он символизирует силу и власть и в какой-то степени является «львом» в мире птиц. Не счесть стран и политических партий, избравших в качестве своей эмблемы это животное. Летает он, как и большинство хищных птиц, очень величественно, парит в потоках воздуха и легко обходит препятствия. Так и хочется назвать мужественным его жесткий леденящий взгляд. По остроте зрения орел не имеет себе равных (знаменитый «орлиный взгляд»), и с высоты многих сотен метров он способен различить малейшее шевеление. Но от завораживающего образа не останется и следа, как только орел издаст какой-нибудь звук: его пение столь же изысканно, как вопль несчастного, которому выдирают зуб. К тому же он не любитель излишних усилий и, в отличие от сокола, в погоне за добычей никогда не ринется в отчаянный полет. Ему это совершенно ни к чему, ведь гораздо безопаснее планировать, держась в потоках воздуха, чем пикировать со скоростью почти триста километров в час. Хватая добычу, орел охотно демонстрирует свою силу и оружие (клюв и грозные когти), но, когда дело доходит до защиты своей территории, его храбрость куда-то улетучивается. Конечно, трусом орла не назовешь, это было бы преувеличением, и все-таки странно, что сильные мира сего относятся к нему с таким уважением и украшают знамена его изображением. Если бы им потребовался истинный символ отваги, то в качестве по-настоящему воинственной птицы им следовало бы выбрать малиновку. Вот уж у кого под личиной пылко влюбленного обитателя нашего сада скрывается отчаянный скандалист. Такой, знаете ли, комочек перьев, который сидит и ждет не дождется, когда зазевавшийся сосед наступит ему на лапку, хотя сама малиновка – та еще любительница оттоптать чужие лапы. Малиновка любит повоевать, и ее пение, такое мелодичное и меланхоличное, есть не что иное, как сигнал объявления войны. Она не только решительно защищает свою территорию, но даже готова сражаться с собственным отражением, которое видит в окне или зеркале. С другой стороны, понятно, что малиновка, эта пигалица длиной в 14 сантиметров, будет не так мощно смотреться на знамени или мече, как двухметровый королевский орел.

Рассуждая об отваге, нельзя обойти вниманием петуха, образ которого стал символом Франции. Однако если говорить о бойцовских качествах обитателей птичьего двора, то гусь-самец эффективнее всех защищает свою семью и в случае необходимости больнее всех ущипнет вас за ногу. Ни петух, ни курица не способны превзойти гуся в бдительности. В этом вопросе гусь не уступит даже сторожевой собаке. Надо видеть, как струсивший петух с воплями улепетывает от обидчика. До чего же в этот момент он не похож на ту расфуфыренную птицу, которая еще недавно с победным видом красовалась в курятнике. Правда, если в качестве символа родной страны мы выберем гуся, то это будет означать, что наш выбор пал на жирноватую птицу-увальня, склонную к упорядоченной семейной жизни. Ведь гусь-самец и гусыня выбирают друг друга на всю жизнь, тогда как петух, птица с гордой осанкой, гордящаяся шикарным оперением, ведет себя как истинный дон Жуан. Но разве по этой причине петух дорог сердцу каждого француза? В христианской культуре петух является символом окончания ночи и наступления дня, перехода из тени в свет. Но его пение на заре не столь благозвучно, как жаворонка или дрозда.

Подводя итоги, скажем, что петух – животное симпатичное и не глупее ему подобных (как раз наоборот!), но стоило ли именно его выбирать в качестве национального символа? Определенную лепту в такой выбор внесли древние римляне. Началось все с каламбура: слово gallus означает по латыни «петух», а слово Gallia означает страну Галлию (кстати, сами галлы никаких теплых чувств к этой птице не испытывали, если не считать любви к петухам в вареном и жареном виде). По этому поводу было отпущено немало шуток, в том числе в древние времена. Так, Сенеке[5] приписывают слова: «Gallus in suo sterquilinio

[5] Луций Анней Сенека (ок. 4 г. до н. э. – 65 г. н. э.) – римский философ-стоик, поэт и государственный деятель.

plurimum potest», что переводится, как «Каждый петух хозяин своей навозной кучи», а эквивалентное французское изречение дословно звучит как «всяк хозяин в своем доме». Очевидно, что смысл этих изречений был извращен. В итоге французы оказались единственной нацией, выбравшей в качестве символа животное, которое поет, стоя обеими ногами в…

> Теперь понятно, что в прежние времена мужчины предпочитали выбирать в качестве орнитологического символа такие виды птиц, которые внешне казались агрессивными, скандальными или могущественными. Если бы птиц в качестве символов выбирали женщины, то, возможно, все сложилось бы по-другому. Не исключено, что выбор пал бы на крачек, которые элегантны, являются заядлыми путешественницами и одновременно склонны к взаимопомощи и совместной обороне.

Мы, люди, склонны путать силу и храбрость, мощь и отвагу. Мы слишком много значения придаем внешнему виду. Результаты наблюдений за птицами позволяют понять, что маленькие по размерам виды птиц часто способны противостоять птицам гораздо большего размера. Маленькая птица раздувает перья, машет крыльями, отчаянно кричит и благодаря этому может заставить отступить противника, заметно превышающего ее по размеру. Стоит посмотреть, как крачка с остервенением преследует чайку, посмевшую залететь в расположение колонии с целью утащить птенца. Нам приходилось наблюдать, как некоторые птицы на лету усаживаются на спину крупного хищника и своими стальными клювами долбят его череп. Кроме того, именно птицы с тусклым оперением, как правило, наиболее эффективно защищают свою территорию и птенцов. В то же время самцы с красивым оперением предпочитают уклоняться от рискованных встреч, удирая или прячась в незаметном месте. Красота оперения отнюдь не равнозначна толщине брони. Крохотная малиновка – это отважный боец, она способна биться с представителями своего вида, задирать кота, изгонять непрошеного гостя со своей территории. То же самое можно сказать об одной из самых маленьких сов, сыче, который, несмотря на свой малый размер, способен нападать на хищника. Такие птахи могут рассчитывать лишь на свою отвагу и решительность. Так ли хорошо подумали люди, перед тем как выбрать в качестве символа ту или иную птицу?

Что значит – любить?. Телячьи нежности горлицы

Две горлицы весной сидят на проводах и нескончаемо чистят друг другу перышки. Их клювы нежно снуют вокруг глаз, вдоль затылка, по макушке. Все делается с такой нежностью, они так заходятся от чувств, что даже прикрывают глаза. Как же хорошо им вдвоем греться на солнышке и обмениваться поцелуями, прижимаясь друг к другу. Ничто вокруг их не волнует. Они счастливы. Они любят друг друга.

Не кажется ли вам, что они похожи на всех влюбленных в мире? Это о них пел Брассенс[6]: они целуются в скверах на скамейках, держа друг друга в объятиях, взгляд каждого из них утонул в глазах возлюбленного, их сердца полны страсти, они ничего не видят вокруг, потеряли голову от счастья и уверены, что все это продлится бесконечно.

Когда говорят о любви в животном мире, часто в качестве примера приводят птиц. Действительно, кролики и крокодилы в этом смысле не столь романтичны. К тому же не зря говорят, что любовь окрыляет. На свадебных торжествах в качестве символов супружеского счастья используют белых голубей. Жаворонок своим страстным пением сопровождает влюбленных и темной ночью, и теплыми летними сумерками. А что уж говорить о маленьких птичках, которых называют неразлучниками, волнистых попугайчиках, которые так нежны и так привязаны друг к другу? Не напоминают ли они вам старых супругов, которые и после десятилетий совместной жизни продолжают любить друг друга и у которых после смерти одного из них тот, кто остался один, вскоре тоже уходит вслед за возлюбленным.

Но в сущности, что это значит – любить? А способны ли птицы, подобно нам, людям, на любовь с первого взгляда? Могут ли они поддерживать тесные дружеские связи, повторяя

---

[6] Жорж Брассенс (1921–1981) – французский поэт, композитор, автор и исполнитель песен.

вслед за Мишелем де Монтенем[7] слова, сказанные им об Этьене де ла Боэси[8]: «Потому что это был он, потому что это был я»? Некоторые виды птиц придерживаются принципа, что каждый стоит сам за себя, но есть и те, кто предпочитает устанавливать устойчивые связи с окружением. Таковы, например, серые гуси. Они очень привязаны к своему партнеру и вообще ко всей семье в течение первого года жизни их потомства. В ходе премьерного перелета родители руководят своими подросшими чадами. А что говорить о мамаше-курице, давно ставшей символом материнской любви?

У птиц встречается и такая разновидность любви, как дружба. Например, усатая синица вообще не может обойтись без своих товарищей, так же как и живущие группами тростниковые суторы. Птицы, росшие в неволе, очень привязаны к вырастившим их людям, которые вообще-то относятся к другому биологическому виду. Дружеские и товарищеские связи могут, следовательно, формироваться вне какой-либо связи с репродуктивными функциями. Любить – это в первую очередь означает вступать в отношения, не правда ли? И еще это означает выстраивание связей как между двумя, так и несколькими субъектами, следствием чего становится получение выгоды, а возможно, и удовольствия. А кроме того, любовь – значит чувствовать себя несчастным, когда по какой-то причине эти связи рушатся.

Философов всегда интересовала тема любви (в широком смысле слова). Дело в том, что все по-разному ее понимают. Настоящая любовь – это что? В этом и состоит главный вопрос! Привязанность может проявляться в разных формах. Бывает любовь возлюбленных, любовь сыновья, братская и, наконец, дружба. Очень возможно, что некоторые птицы испытывают многие из таких чувств. Они могут быть захвачены любовным и сексуальным чувством, испытывать чувство нежности, чистя друг другу перышки или занимаясь своими детьми.

Птицам, разумеется, незнакомы все нюансы и тонкости человеческой любви (хотя, с другой стороны, они и не терзаются ненавистью, которая знакома людям). Однако, тому, кто наблюдает за парой горлиц, становится ясно, что они демонстрируют нежность, проявляют уважение, им свойственны физическое влечение, доброжелательность, взаимопомощь… Когда петух находит восхитительно вкусные зернышки, он зовет кур, чтобы разделить с ними свою добычу. При этом он становится таким же гордым, как влюбленный, который утром подает своей милой завтрак в постель.

> Разве при взгляде на этих птиц не становится понятно, что представляет собой любовь? Это смесь нежности, уважения, влечения, доброжелательности и предупредительности. Это желание сделать приятное тому, кого любишь, это опасение задеть любимого, нанести вред, желание делать маленькие подарки и приносить что-нибудь вкусненькое.

Любить – это значит сопереживать, помогать по мере возможности, стараться сделать жизнь более приятной. У людей любовь – это еще и причастность к делам друг друга, сладострастность, понимание с полуслова, смех до изнеможения. Говорят, что настоящей любви чужды собственничество и сжигающая страсть.

Однако самые циничные из нас будут уверять, что плотской любовью животные занимаются исключительно в целях репродукции. Что на это ответить? И мы тоже. Спеша к любимой с круассанами в руке, влюбленный думает о том, что за хорошим завтраком последует близость. Нежный поцелуй поможет снять напряжение, подобно чистке перышек у горлиц. Даже если мы полностью контролируем свое репродуктивное поведение, если супружеская пара готова совместно делать все, что угодно, но только не детей, то и в этих

---

[7] Мишель де Монтень (1533–1592) – французский писатель и философ эпохи Возрождения.

[8] Этьен де ла Боэси (1530–1563) – французский писатель и философ, гуманист, автор переводов Плутарха, Вергилия, Ксенофонта и Ариосто. Близкий друг Мишеля де Монтеня.

случаях репродуктивная функция остается хоть и не явной, но подспудной составляющей любовной связи. Даже самая возвышенная любовь в какой-то мере рождается из нашего животного начала. И что с того? Так ли это важно? Мы уничижительно воспринимаем свое животное начало, но ведь это еще и нежные ласки горлиц, взаимопомощь серых гусей.

Кстати, птицы зачастую лучше нас приспособлены к установлению любовной связи. Соблазнение, демонстрация себя… Им это дается легче, чем нам. Они быстрее понимают, выгорит или нет. А мы, люди, прячем тело под толстым слоем одежды и поэтому не имеем возможности разглядеть очевидные признаки мужского и женского влечения. Мы тратим дни, месяцы, годы, чтобы понять: да или нет, нравлюсь я или нет. Если бы знать, любят ли нас… Для нас, людей, эти простые вещи стали бесконечно сложными, подчас мучительными и всегда лишающими покоя.

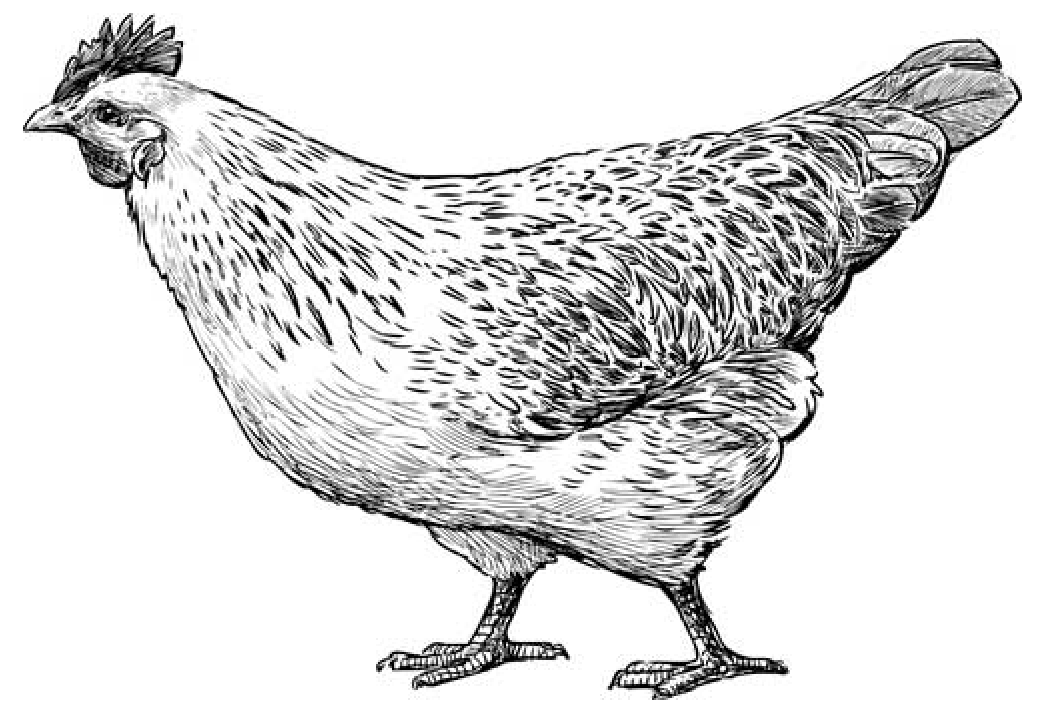
Мы практически не умеем прислушиваться к интуиции. Пытаясь принять решение, мы слишком мало руководствуемся чувством и слишком много – разумом. Мы неловкие и нерешительные. Если решаемся, то в неподходящий момент, часто делаем не то, что собирались сделать, неудачи до смерти пугают наше эго, после любовного разочарования мы клянемся больше никогда не влюбляться и изводим себя, не понимая, кто должен сделать первый шаг. Нам не хватает простоты и безмятежности. Ни один дрозд не будет три часа размышлять о том, стоит ли спеть песенку симпатичной дроздихе. Он просто споет. Песенка ей либо понравится, либо нет, а если что-то пойдет не так, то никто из них не станет раздувать это дело до небес. Долгосрочные стратегии и бесконечные рассуждения – это не для них. И сомнения птицам не знакомы. Ну, может быть, совсем чуть-чуть.

Не стоит ли нам в любви брать пример с птиц?

Некоторые люди ведут себя, как древесные лягушки, которые сами останавливают себе сердце, чтобы проспать всю зиму напролет. Если таких людей постигает любовное разочарование, то они вообще перестают влюбляться и не хотят ни к кому привязываться, потому что боятся, что вновь придется страдать. А вот у птиц все наоборот, их сердца никогда не прекращают биться.

А быть может, настоящая любовь – это когда люди просто любят друг друга, как горлицы. Это когда хорошо здесь и сейчас, с этой или этим, и больше нигде и ни с кем быть не хочется.

Философия купающейся курицы, или Искусство жить в полную силу

Если понаблюдать за курами, то можно заметить, что в моменты наивысшего блаженства, какое только может испытать курица, они издают звуки, похожие на ворчание и чем-то напоминающие мурлыкание. Такое счастливое бормотание чаще всего можно услышать, когда курица купается в земле. Для нее такое купание имеет большое значение: оно позволяет избавиться от паразитов и помогает содержать перья в хорошем состоянии. Для птицы исключительно важно, чтобы ее оперение было красивым, непроницаемым и чистым. Это вопрос ее выживания. При взгляде на то, как курица купается в земле, можно понять, каким бывает едва ли не самое большое в мире счастье.

Перед принятием ванны курица выбирает участок рыхлой земли, полной пыли. В этой земле она старается вываляться с головы до ног. Иной раз в этом бесформенном комке перьев даже невозможно распознать саму курицу: одна лапка торчит там, другая – здесь, тут крыло, там – голова. Пыль стоит столбом и постепенно покрывает курицу целиком. Время от времени облако пыли оседает. В такие моменты глаза у курицы полузакрыты. И тогда она начинает удовлетворенно ворчать. Длится процесс довольно долго. Курица никуда не спешит. Согревающие лучи солнца доставляют ей огромное удовольствие. Она ворочается, погружает голову в пыль и непрерывными судорожными движениями крыльев разгоняет ее. Другая курица приходит полюбоваться этим зрелищем и присоединяется. Через мгновение соплеменницы уже лежат бок о бок и замирают, прижавшись друг к другу и слившись с землей. Затем вторая курица встает и пускается вдогонку за каким-то насекомым. А первая по-прежнему лежит в выкопанной ею ямке и не шевелится.

Если долго наблюдать за купающейся курицей, то в конце концов станет понятен смысл древнего философского изречения *carpe diem* – живи сегодняшним днем. Ему равнозначны и призыв держаться текущего бытия, и буддистское правило жить «здесь и сейчас», и совет психологов «проживать день за днем». Забудьте о прошлом. Перестаньте беспокоиться и не думайте о будущем. Именно здесь и сейчас курица принимает ванну, греется на солнышке, роется в рыхлой свежей земле, и все это происходит в тени черешневого дерева, плоды которого еще зеленые, но уже начинают наливаться соками. Курица стонет от счастья. Здесь и сейчас.

Что это, антропоморфизм?

Вовсе нет. Эта курица ничем не отличается от нас. Ее тело состоит из тех же атомов, и она способна испытывать те же эмоции, что и мы. Разумеется, мир она видит не так, как люди. Все-таки это курица. И чувства у нее обостряются не так, как у нас. Она может почуять соседского кота, тихого, как привидение, еще до того, как мы его увидим. Мы еще и не разглядели, а она уже орет, чувствуя его приближение.

> Мы с курицей – два совершенно разных вида. Но мы с ней оба – живые существа, и мы счастливы одинаково, когда солнце согревает наши тела, когда мы моемся, она в земле, а мы в пенной ванне.

Зрелище моющейся курицы дает повод задуматься: почему мы не моемся столь же интенсивно? Понятно, у нас нет перьев и поэтому наш туалет может быть не таким тщательным. И все же. Мы с головы до ног опутаны обязательствами и заботами о будущем, время подгоняет нас, и в итоге нам так редко удается испытать наслаждение во время принятия ванны. А вот курица, если у нее стресс, и вовсе не будет мыться. Взволнованная курица не просто не моется. Она застывает и немеет или же мечется и кричит. А мы, люди, моемся, даже когда озабочены или нервничаем. Спрашивается, как научиться наслаждаться моментом не хуже курицы?

Курица учит нас быть счастливыми в каждый момент жизни. «Ко-ко», – это она куда-то идет. «Ко-ко», – она рванула. И вот она уже догоняет белую бабочку. Но поздно, насекомое летит слишком высоко и слишком быстро. А курица не расстроилась и уже занялась чем-то другим. Она роет, роет, роет, и пыль за ней стоит столбом. Вот она клюнула, посмотрела, опять клюнула. Что она нашла в земле? Какой-то мелкий народец живет там. Мы его не видим, а курице он доставляет радость. Курица – деятельное существо, она бывает озабоченной, спешащей, она вся в движении. Но она также умеет часами неподвижно отдыхать под деревом. В этом вся курица. «Carpe diem», – говорит она нам.

Как сделать мир красивее?. Танец райской птицы

Однажды на одном очень серьезном радио одна очень серьезная дама заявила, что искусство присуще лишь человеческому роду. Она утверждала, что «искусство животных»

не может считаться истинным творчеством, оно является лишь интерпретацией чего-то красивого. Такая красота не является *осмысленной* .

На самом же деле, когда длиннохвостая синица строит свое гнездо, многие люди, глядя на этот чудесный комочек из перьев, ивовых сережек, тонких веточек и кусочков лишайника, замирают в восторге, словно видят произведение искусства. Две взрослые птицы создают это сооружение, чтобы поместить в него свое потомство, а не для услады наших глаз. И это счастье, если мы находим такое гнездо красивым. Но нам неведомо, как его отыскивают эти маленькие птички. Кто сказал, что самки длиннохвостых синиц не выбирают самое красивое гнездо на свете? Кто сказал, что красота не является одним из критериев их выбора?

В еще большей степени это относится к птицам-шалашникам. Те виды, что проживают в Австралии, достигли высочайшего мастерства в украшении своих гнезд. Возьмем, к примеру, атласного шалашника. Оперение у самца темно-синее. Для него синий цвет – это квинтэссенция красоты. Думаете, из-за цвета его оперения? Кто знает! Он, как и все виды шалашников, строит довольно замысловатое гнездо из мелких веточек и переплетенных травинок, по форме напоминающее беседку (от этого другое его название – беседковая птица). Гнездо располагается прямо на земле, где-нибудь на лужайке. Чтобы оно стало еще приятнее для глаз самки, самец делает своего рода «раскраску» в синих тонах. Для этого он использует фиолетовые, синие и черные ягоды. Самец перемешивает их с собственной слюной и с древесным углем, который он находит в лесу. Также он устраивает внутренние перегородки из кусочков коры, а подступы к гнезду усеивает разными синими предметами. Чего там только нет: пробки от бутылок, шариковые ручки, зажигалки, кусочки пластика. Все, что угодно, лишь бы оно было синим. В ход идут и камушки, причем крупные он укладывает перед гнездом, а мелкие – позади. Благодаря этому создается особый оптический эффект: самке, сидящей в гнезде, выложенная камушками аллея кажется больше, чем она есть на самом деле. Если это не искусство и не творчество (предназначенное для соблазнения), то что это? Зачем тратить часы на украшение гнезда в синих тонах, если в итоге это не радует глаз?

Но дама на радио еще и утверждала, что все это *не осмысленно* . Возможно, но разве все произведения человека являются осмысленными? Спонтанность, творческий взрыв подчас лежат в основе искусства, которое приводит в восторг знатоков. Деятели искусства, испытавшие прилив вдохновения, подчас и сами удивляются тому, что у них получилось. И пусть птицы не являются такими же, как мы, *осмысленными* служителями искусства, но разве они по-своему не создают произведения того же искусства? Разве они не создают красоту?

Кстати, а с точки зрения человека, в чем состоит назначение искусства? Разве у создателя произведения искусства нет желания понравиться кому-то? Музыканты, художники, поэты часто творят, будучи вдохновленными своими музами и из желания соблазнить их. Разве мы так уж оторваны от природы и нашего животного начала? И не связывал ли Фрейд искусство с сублимацией либидо?

Птицы, высоко ценящие красивое оперение и мелодичное пение, в большей степени склонны к искусству, чем земляные черви. Для многих птиц красота – это важный, если не главный, движущий стимул. И хотя такая наклонность есть лишь результат эволюционного отбора, они тем не менее иной раз предпочитают руководствоваться эстетическими, а не практическими критериями выбора. Хвост павлина прекрасен, но одновременно он очень неудобный, с ним много хлопот. Хотите верьте, хотите нет, но самка павлина выбирает партнера, строго исходя из критерия красоты. Согласитесь, свои возможности самец мог бы проявить, не только демонстрируя пышность своего облика. И вообще, зачем в птичьем мире было бы столько красоты, если бы они не были к ней чувствительны?

Вот еще один пример. Посмотрите на знаменитых райских птиц. В ходе брачного танца самцы демонстрируют невероятные чудеса хореографии, при виде которых побледнели бы от зависти звезды балета Парижской оперы. А ведь все это происходит в сочетании с потрясающей расцветкой и формой перьев. Цветовая гамма выстроена у этих птиц таким

образом, что оперение выглядит как высшее проявление художественного творчества. Понятно, что птицы не сами создали такую игру цветов и оттенков. И тем не менее… Как уже говорилось, все это является результатом эволюции и естественного отбора. Допустим, в течение нескольких тысячелетий в качестве партнеров выбирались самые ловкие самцы, способные, сохраняя равновесие и танцевать на ветках, расположенных на тридцатиметровой высоте, или же самцы с самыми длинными и наиболее красивыми перьями. За всем этим не стоит осознанный выбор. Но способность самцов соблазнять самок своим оперением и брачным танцем напрямую влияет на воспроизводство вида (следовательно, на его выживание и устойчивость).

В конечном счете это стихийное искусство начинает служить людям… В Новой Гвинее папуасы уже не одну тысячу лет используют перья райских птиц в своих праздничных нарядах. А в некоторых племенах мужчины украшают себя такими перьями, чтобы соблазнить будущих партнерш.

Не меньших высот птицы достигли и в искусстве пения: они несравненные музыканты. Но знают ли они об этом, осознают ли свое искусство? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно весной отправиться в лес. Когда два самца певчей породы птиц находятся недалеко друг от друга, они соревнуются в мощи и разнообразии своего пения. Прекрасный пример – певчий дрозд. Обычно самец поет один. Поет красиво, но однообразно, даже когда пытается внести что-то новое в свое пение. Но стоит появиться еще одному самцу, как первый тут же начинает выделывать новые коленца, обогащает свой репертуар и поет громче. У многих видов быстрее всех соблазняет самку именно тот, кто лучше поет. Искусство пения полезно для ловких соблазнителей…

Та дама с радио могла бы заявить, что эти пения – лишь повторение того, чему научили родители, либо врожденное умение. А вот тут позвольте не согласиться… Возьмем, к примеру, скворца обыкновенного. Конечно, он не очень талантливый певец. Звуки, которые он издает, скорее напоминают скромное чирикание, а то и громкое урчание, но никак не мелодичное пение. Однако он, не колеблясь, пытается «украсить» свое пение. Так скворец объявляет о своих правах на территорию или соблазняет самку. Чтобы понравиться своей даме, он добавляет к обычному пению шумы и звуки, которые раньше ему довелось услышать. Вот почему иногда с высоты телевизионной антенны или с ветки дерева доносятся звуки автомобильного сигнала или звонки мобильного телефона. Мы хмурим брови, удивленно поднимаем глаза и видим, что это надрывается изобретательный самец скворца.

Кстати, разве тема искусства ограничивается вопросом создания соответствующих произведений? А как насчет того, чтобы просто любить искусство? Вот птицы, как и многие животные (а похоже, что и растения), могут наслаждаться музыкой. Не только мы способны получать удовольствие от красивой мелодии. По мере появления новых результатов исследований жизни животных становится понятно, что они гораздо умнее, чувствительнее и отзывчивее, чем нам казалось. Так стоит ли отрицать наличие у них чувства прекрасного?

> Людям изначально помогала развивать искусство их естественная способность понимать красоту, согласовывать звуки и ритмы, комбинировать вещи и цвета. Такой же способностью обладают и птицы. Быть причастным к искусству в первую очередь значит остро воспринимать действительность: видеть поэзию в облаках и трепете листьев, чтобы затем воплотить эту красоту и вызванные ей чувства.

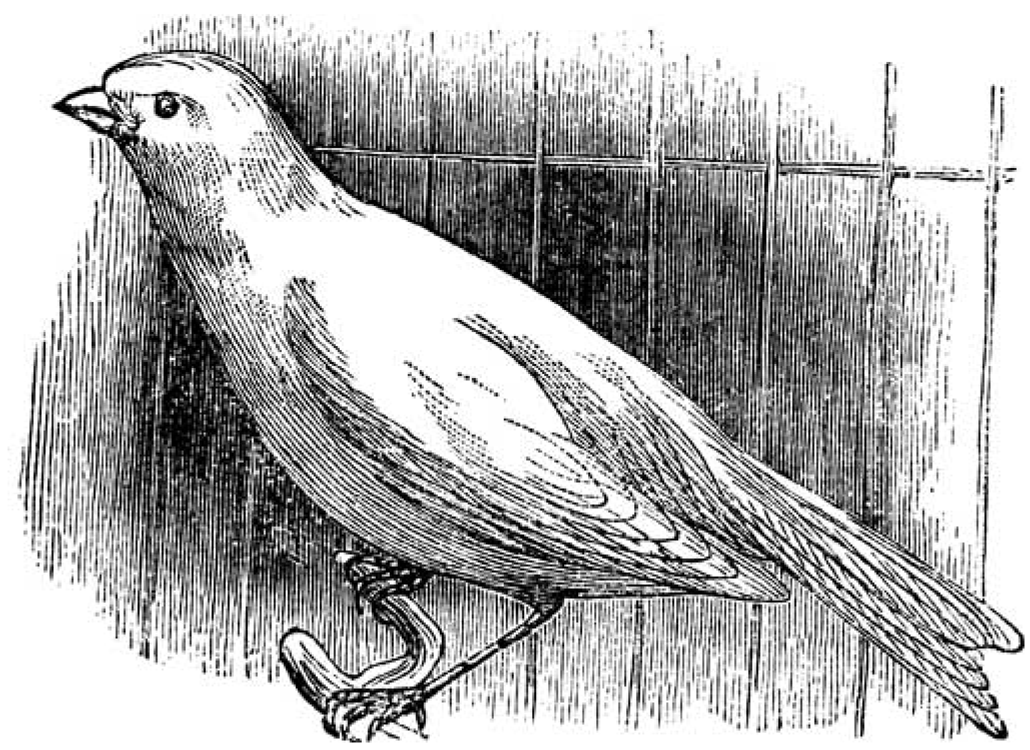
Животные не способны выразить свои ощущения. Но кто знает, возможно, они испытывают огромное чувство счастья при виде цветущего дерева. Можно ли утверждать, что раз они всего лишь животные, то и чувства им не доступны? Разве не обладаем все мы одинаковой способностью чувствовать очарование окружающего мира и транслировать возникшие ощущения? Некоторые люди вообще не чувствительны к искусству и не могут понять, как кто-то способен рисовать или играть на музыкальном инструменте. А как часто

художник остается непонятым! Если все это действительно так, то откуда мы можем знать, что именно творится в голове птицы, решившей изготовить самое красивое в мире синее гнездо? А знаем ли мы, что чувствует самец, потративший все силы на строительство гнезда, которое самому ему очень нравится, но которое с презрением отвергла его дама?

Люди искусства тоже часто утверждают, что не будут счастливыми, если кто-то будет препятствовать их самовыражению. Значит, потребность выражать себя в художественных образах – это тоже нечто врожденное, инстинктивное и глубоко естественное?

Как часто приходится слышать от людей такие категоричные, произносимые с разочарованием, утверждения: «Уж кто-кто, а я вообще ничего не понимаю в искусстве!» Но так ли это? Ведь каждый из нас креативен в своей области. И все мы чувствуем красоту в тех или иных ее проявлениях. Зачастую мы сами себя ограничиваем, либо из-за того, что в детстве растоптали нашу мечту, либо потому, что наши попытки стать частью искусства не нашли поддержки у окружающих. Но если вы не умеете рисовать, это не значит, что вы не можете музицировать, заниматься гончарным искусством или приобщиться к поэтичному кулинарному мастерству. Для любого из нас подходит то или иное направление творчества, которое мы еще не осмелились испытать. Ясно лишь одно: мы, как и птицы, способны внести свой вклад в красоту окружающего мира.

Как жить на свободе? Выпустите птиц из клеток

В песне Пьера Перре[9] поется: «Выпустите птиц на свободу». Но стоит ли так поступать? Что лучше: полная опасностей свободная жизнь или жизнь безопасная, но несвободная? Сидеть в золотой клетке или дорого заплатить за свободу?

Есть известная история о канарейке, которую выпустили из клетки. Она улетает с неспокойной душой, но опьяневшая от счастья и вскоре возвращается, счастливая оттого, что вновь оказалась в привычной обстановке. Не менее поучительна и история одной курицы. Бедняга так много времени провела в крохотной клетке, где с трудом могла повернуться, что лишилась способности самостоятельно передвигаться. Попав в пространство площадью несколько квадратных метров, она решалась перемещаться лишь

[9] Пьер Перре – французский певец и композитор.

вдоль стены, не заходя за уложенную на полу кучу сена. Курице потребовалось несколько недель, чтобы восстановить свободу движений и понемногу увеличивать зону перемещений.

Тем не менее было бы преувеличением утверждать, что существуют птицы, предпочитающие жить в клетке. Просто некоторые так сильно привыкают к жизни взаперти, что неожиданная свобода приводит их в ужас. Они боятся возможных опасностей и трясутся от страха перед неизвестной им средой. А разве у людей это не так? Попробуйте оставить в лесу одного ребенка или даже взрослого, который провел всю свою жизнь в квартале социального жилья для малоимущих. Вы ведь понимаете, что он начнет метаться, искать вас и умолять отвести его домой. Такое положение дел весьма символично. Многие люди с ужасом воспринимают обрушившуюся на них свободу, например начало каникул или выход на пенсию. Они не понимают, что им делать с таким количеством свободного времени и как жить, когда разом перестали действовать многочисленные правила, принуждения и указания, поступавшие от других.

> Люди далеко не всегда хотят «быть свободными». У нас как в индивидуальном плане, так и в масштабе общества, настоящая свобода вызывает чувство тревоги. С одной стороны, свобода – это самое желанное состояние человека, а с другой – она пугает.

Большинство из нас не испытывает тоски по небу, в отличие от перелетных птиц. Они стали самым ярким символом свободы, потому что способны подняться в небо, вырваться из привычной действительности, отправиться в путь и добраться до самых недоступных мест на планете. Следует помнить, что способность летать с помощью машин человек обрел совсем недавно, на новейшем этапе своей истории. Веками мы, задрав головы, следили за полетом птиц, но никогда и мечтать не могли подняться на такую высоту. Даже как-то обидно считать себя высшим существом и быть не в состоянии соперничать с птицами в воздушной стихии. Человек всегда завидовал способности, дающей недостижимую свободу перемещения. В конечном счете человеку удалось покорить небо, но каким тяжелым был этот путь!

Мы с опасением относимся к собственной свободе и не выносим, когда она предоставлена кому-то другому. В наше время детей опекают больше, чем птица опекает птенцов. У птиц родители поощряют птенцов за инициативу и приучают их летать самостоятельно. Зато сейчас, в XXI веке, уже не увидишь ребенка бегающим и играющим на улице. Дети находятся под непрерывным контролем, потому что мы страшно боимся, что с ними что-нибудь произойдет. То же самое и с отношениями внутри пар. Свобода нашей половины, в какой бы форме она ни проявлялась, страшит нас. Еще хуже положение дел внутри семьи. Здесь главенствуют нормы и мнения: мы не должны отличаться от остальных. Если же кто-то из членов семьи позволит себе слишком много, то его быстро призовут к порядку или он станет изгоем.

С другой стороны, чем жестче ограничивают чью-то свободу, тем выше риск того, что человек, которого держат «под колпаком», попросту сбежит. Избыточно стреноженный подросток начинает решительно бунтовать против своих родителей, а жена, которую муж замучил ревностью, в итоге уйдет, и семья прекратит существование.

А как у птиц? Посмотрим на кур или домашних голубей: если им предоставить полную свободу, они все равно не станут сильно удаляться от своего курятника или голубятни. Если будет плохая погода или они почуют опасность, то ни куры, ни голуби ни за что не покинут жилье. Дома им гарантирована безопасность, всегда в достатке вода и пища, и при этом они проводят время как им хочется, ничто не ограничивает свободу их перемещения.

У людей дело обстоит точно так же. Если мы свободны, то и сбегать нам ни к чему. Мы всегда возвращаемся в родные стены, если нам там хорошо. Если вы хотите удержать или защитить кого-то, то добейтесь того, чтобы у вас всегда было уютно, и тот, о ком вы беспокоитесь, сам прилетит в ваше гнездышко. Гармоничное равновесие – это как раз то, в чем мы нуждаемся. А достигается оно путем соединения преимуществ домашней жизни с

преимуществами свободы.

В чем польза неверности? Странная жизнь лесной завирушки

Садовая ограда является важным ориентиром для этих птиц. Зимой они всем скопом садятся на нее и уже отсюда перелетают к ближайшей кормушке. Еду птицы делят с ссорами и криками. Зато на земле никто и не замечает этих маленьких, бесшумно снующих коричневых птичек. Этих скромниц зовут лесными завирушками. Они вполне заслуживают прозвища невидимок, до того тусклая у них расцветка: сверху они коричневые, а снизу темно-серые с синим отливом. Они умеют полностью сливаться с окружающей средой. Чтобы засечь этих птичек, требуется острый слух орнитолога. В общем, завирушки – это эталон самой что ни на есть обычной птицы. Ни их оперение, ни певческие способности не могут вызвать у нас интереса.

Но не стоит обманываться внешним видом… Гуляя в своих грубых одежках, завирушки только кажутся садовыми монахами, а на самом деле они ведут крайне разнузданную жизнь. Долгое время все думали, что эти птицы являются верными партнерами, а оказалось, что лесная завирушка – ярый сторонник полигамии. По «официальной» версии, самец и самка действительно живут вместе, строят гнездо и воспитывают потомство. До того как были получены результаты последних исследований, все считали, что завирушки – это образец супружеской верности… Но оказалось, что все это только для вида! В действительности дела обстоят иначе. И самка, и самец – те еще любители сходить «налево». Самец, несмотря на то что у него имеется своя «законная», спаривается с любой самкой, оказавшейся на его территории, если она не против. Точно так же ведет себя и самка. Завирушка-дама не способна устоять перед ухаживаниями соседа-самца, проживающего по другую сторону ограды. Она даже готова его поощрить. В общем, целый водевиль разыгрывается в нашем саду…

Как мы видим, люди не придумали ничего нового. Полистайте «книгу» биоразнообразия, и вы убедитесь в том, что на всех этажах животного мира практикуются такие варианты сексуального поведения, при виде которых покраснеет самый фривольный представитель Homo sapiens. Люди охотнее животных прячут порок под личиной добродетели, а вот животные и не думают скрывать свое истинное поведение. Исключение составляет наша доблестная завирушка, которая скрывает развратную жизнь, прикидываясь обычной простушкой. Маскируется она мастерски: ни тебе переливающихся цветов, ни завлекательного пения… А разве мало мужчин и женщин, которые только с виду простаки, а на самом деле живут развратно?

Но история сексуальных причуд не ограничивается разоблачением завирушки. Как показывают исследования, когда пищевые ресурсы в достатке, большое количество самок

концентрируется в пределах небольшой территории (не требуется далеко ходить за кормом). При такой скученности самцам остается только выбирать из множества подружек, а в результате увеличиваются шансы появления на свет потомства. Зато в голодные времена, чтобы прокормиться, приходится расширять территорию обитания. Самки начинают перемещаться на большие расстояния, чтобы с большей вероятностью повстречать самца. Как правило, самке требуется не больше двух самцов, один из которых, «альфа-самец», мощнее, чем его конкурент. Но в природе все сбалансировано: когда уравновешиваются объем пищевых ресурсов и размеры контролируемой территории, тогда завирушка переходит к «классическому» варианту моногамной жизни… Таким образом, не является ли неверность признаком того, что где-то что-то пошло не так?

Все эти любовные игры имеют конкретную цель. Дело в том, что самец-завирушка перед совокуплением с залетной самкой старается ущипнуть ее клоаку (она выполняет функцию полового органа у воробьинообразных). Странная такая прелюдия. Для самки она, скорее всего, не очень приятна… Но, проникая таким образом внутрь своей партнерши, самец вызывает у нее спазм, благодаря которому исторгается сперма предыдущего партнера! В результате самец избавляется от семени своего конкурента и, совокупляясь с самкой, передает ей свое. Можно ли отыскать лучший способ воспроизвести себя дорогого? Такие странные приемы в основном в ходу у «альфа-самцов», от которых получаются наиболее выносливые птенцы и которые такими действиями проявляют своего рода «заботу» о потомстве, увеличивая ожидаемую продолжительность его жизни. Вот так и происходит селекция.

Думаете, тут и сказке конец?

А вот и нет! Последнее слово все равно остается за самкой. Она способна удержать у себя часть спермы предыдущего партнера, обмануть таким образом нынешнего, сохранить генетический материал от предыдущих совокуплений и снести яйца, в зарождении которых участвовали разные отцы. Согласитесь, шикарный пример естественной селекции.

Такое явление называется полигинандрия, и в процессе воспроизводства завирушек оно имеет вполне конкретный смысл: создать предпосылки для многочисленного потомства и максимально возможного генетического разнообразия. Стоит ли удивляться, что этот вид широко распространился по всей Европе, в Скандинавии и Северной Африке.

Ну а мы, люди, являемся ли мы *полигиандричными* ? Те, кто склонен к беспорядочным половым связям, разумеется, недалеки от такой стратегии воспроизводства. Но этим все и ограничивается. Невзирая ни на что. Ученые выдвинули гипотезу о том, что форма мужского полового члена связана с выполнением совершенно конкретной функции: при возвратно-поступательных движениях внутри влагалища венец головки члена позволяет элиминировать сперму вероятного соперника… Соответствует это действительности или нет, – неизвестно, но ясно одно: во все века мужчины тратили немало сил, чтобы оказать на женщин психологическое давление, сходное с попытками «ущипнуть клоаку» или, говоря другими словами, не допустить, чтобы их оплодотворил кто-то другой. В ход пускались и осуждение женской сексуальности, и рычаги общественного давления, и история о прекрасном принце (само-собой, единственном и неповторимом) на белом коне. Не забудем и о такой жуткой вещице, как пояс верности и практикуемое в некоторых культурах женское обрезание. В общем, что щипать клоаку, что…

> В заключение предлагаем вам забыть и не вспоминать стародавнюю сказку о том, что большинство птиц всю жизнь верны своему партнеру. Все это не более чем дань романтизму прошедших времен.

Спору нет, верны своим партнерам гуси, лебеди, некоторые хищные птицы… Но в том, что касается остальной части птичьего мира, то тут действительность не столь однозначна, и можно повстречаться с разнообразными промежуточными вариантами поведения: от моногамии до полигамии. Конкретика зависит от обстоятельств, состояния внешней среды, наличия партнеров, пищевых ресурсов и т. п. Короче говоря, птицы приспосабливаются как

могут. Осталось лишь выяснить последний вопрос: как реагируют птицы, когда узнают о неверности: впадают в бешенство, грустят или что-то еще? Получает ли изменщик клювом по голове, летят ли во все стороны перья?

На людей, даже на сторонников свободного типа сексуальных отношений, мечта о чистой возвышенной любви оказывает сдерживающее воздействие. В конце концов, свобода состоит не в том, чтобы множить число партнеров. Можно чувствовать себя свободным и при этом сохранять верность. Люди, любящие друг друга и вступающие в сексуальные отношения, всегда находятся на перепутье действительного и возможного. Какой бы выбор они ни сделали, сексуальные отношения любящих людей всегда предполагают сознательный отказ от соблазнов. У одних сексуальные отношения строятся, как у лебедей, у других – как у завирушек, а вообще возможны самые разнообразные варианты. Если хотите жить без недоразумений, выбирайте партнера того же «птичьего» типа, каким являетесь сами.

Считать ли любопытство отвратительным пороком? Отвага зарянки

Жизнь птицы целиком связана с рисками. Птица летает, пытается прокормиться, производит на свет и воспитывает потомство – и все это чревато ее гибелью. Но ведь не рискуя, вообще невозможно жить. Поэтому благодаря своему любопытству некоторые птицы-исследователи расширяют границы освоенных территорий и находят новые обильные источники питания и места, прекрасно подходящие для гнездования или остановки в пути. Но удача приходит лишь к тому, кто не сидит на месте. У животных, в особенности у птиц, любопытство является инструментом адаптации, а в некоторых случаях и выживания, причем этот инструмент подчас бывает очень мудреным.

Возьмем, к примеру, зарянку. Эта птица хорошо известна всем любителям садоводства и во всех странах Западной Европы считается страшно нахальной. Она, нисколько не смущаясь, может усесться на стул, на лопату, вообще на любой принадлежащий вам предмет, приблизиться к человеку буквально на несколько сантиметров, приставать к вам, когда вы работаете. Вот она застыла, опустила голову и кидает вопросительные взгляды.

Можно подумать, что она с любопытством вас разглядывает. Стоит выкопать граблями какого-нибудь червяка, как зарянка норовит броситься и сцапать его. Потом, раздув красное с оранжевым горлышко, сидит и ждет следующего червя, при этом видно, что она нисколько не боится гиганта, который копается в саду.

Изначально зарянка является лесной птицей, селившейся вдали от человека. Давно известно, что лесная зарянка следует за млекопитающими, оленями или кабанами, когда те пасутся или роют землю. Она снует буквально между лапами животного, всегда наклонив голову и бросая вопросительные взгляды. Передвигается зарянка мелкими скачками. При этом в лесу она, как и в саду, непрерывно ищет мелких насекомых, выковырянных из земли мордой или копытом животного.

Эту лесную птицу можно встретить и на опушках рощ, неподалеку от человеческого жилья. Постепенно она селилась все ближе к человеку, пока окончательно не обосновалась в садах и огородах. Такое поведение, обусловленное неуемным любопытством, особенно характерно для Великобритании, где зарянка стала героем народной мифологии, и ее даже изображают на рождественских открытках. Привычка англичан подкармливать птиц зимой привела к тому, что зарянки совсем распоясались и в результате все чаще становятся добычей котов.

В тех странах, где распространена незаконная охота (в основном на юге Европы), зарянки не столь безрассудны. Более скромно они ведут себя и в Восточной Европе, где по-прежнему живут преимущественно в лесах, демонстрируя свой изначально нелюдимый характер.

Благодаря своему любопытству зарянка смогла расширить питание и ареал, в частности, адаптироваться в городских садах, где зимы не так суровы, как в чистом поле. Поэтому городская зарянка имеет больше шансов выжить холодной зимой, чем лесная.

Некоторых птиц любопытство доводит до невероятной вольности. Все мы помним фотографии парижских воробьев, лондонских синиц, соек, клюющих с рук в больших природных парках. Все эти птицы по-прежнему остаются дикими, но они совершенно перестали бояться человека. Они смотрят, как мы едим на пикнике, а когда удаляемся, они тут же подбирают все, что мы уронили на землю. Мало-помалу они смелеют и являются, не дожидаясь нашего ухода. Кто-нибудь из них после долгих колебаний даже усядется на стол и будет клевать прямо с руки.

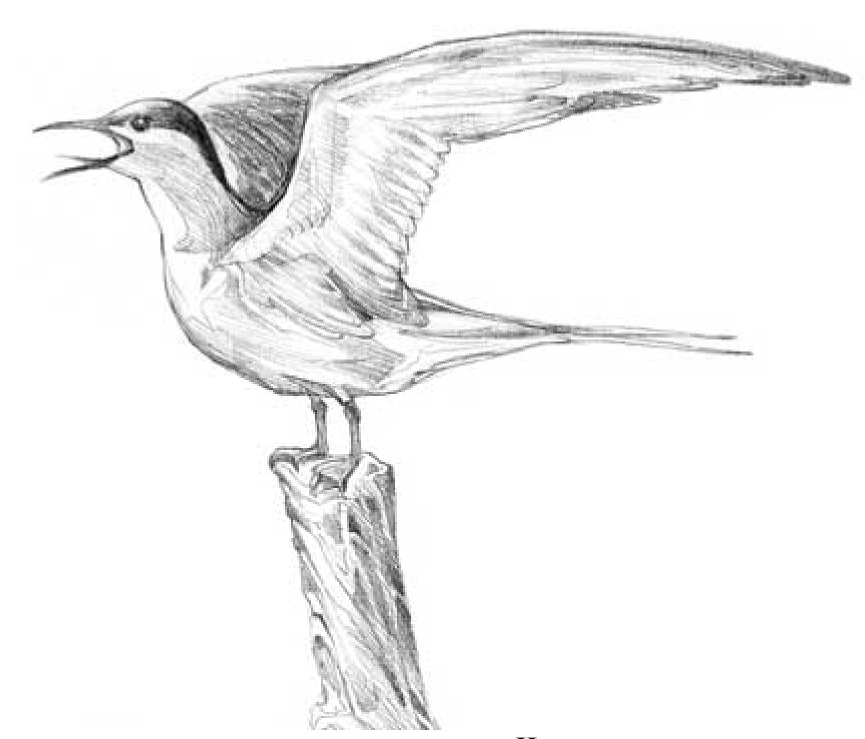
Иногда, чтобы выжить, нужно идти на риск. Многие птицы первыми нападают на своих хищных обидчиков, так что те в итоге оставляют их в покое. Делается это так. Некий смельчак приближается к хищнику и испускает сигнал тревоги. Тут же налетают собратья, и все начинают испускать такие же крики. Их так много и кричат они столь громко, что хищнику остается только убраться восвояси. Время от времени мы с удивлением наблюдаем, как прилетают птицы и вопросительно смотрят, словно хотят понять, кто мы такие, после чего немедленно улетают в чащу леса или на болото. Возможно, любопытство служит им для того, чтобы проверить нас и убедиться, что мы не хищники. Если бы мы, люди, были более доброжелательны ко всем животным, то жили бы с ними в единстве, как представители братских видов. Кстати, на Мадейре, на островах Дезерташ, проживает птичка канарский конек, на которую человек никогда не охотился. Так вот, она вообще не боится людей. Конек, не раздумывая, сядет вам на ботинок или колено, склюнет крошку и будет бросать на вас любопытные взгляды.

> Получается, любопытство нельзя считать пороком. Это вполне естественная форма поведения. Любопытство помогает избежать худшего и приносит большую выгоду.

Из числа инструментов эволюции, позволившей разным видам животных подняться почти до нашего уровня, любопытство является одним из важнейших. В полной мере это относится и к людям. Любопытство движет человеком, когда он открывает новые континенты и добирается до Луны, изобретает способы лечения болезней. Любопытство

лежит в основе всего, что способствует нашему развитию. Вспомните об этом, когда зарянка вновь усядется на колышек и будет внимательно за вами наблюдать.

Почему мы путешествуем? Арктическая крачка, и зов безбрежного пространства

Перелетные птицы олицетворяют путешествия. Что заставляет их в одно прекрасное утро подняться в небо и отправиться на поиски новых горизонтов, а по прошествии нескольких месяцев возвратиться назад?

Вот, что писал по этому поводу поэт Жан Ришпен[10], на слова которого сложена песня Жоржа Брассенса:

Смотрите: вот они над цепью гор и пашен,
Над морем, где порой встает ревущий вал,
Свободою дыша, летят – гортани ваши
Один такой глоток мгновенно б разорвал![11]

Так и хочется сравнить себя с этими свободными неутомимыми путешественниками. Расстояния, которые они преодолевают, просто не укладываются в сознании. Такова, например, полярная крачка. Само название этой птицы говорит о том, что зона ее обитания расположена в высоких арктических широтах и простирается от Сибири до Северной Америки, захватывая север Европы. В конце лета она покидает территорию, на которой выводит потомство, и устремляется на шестимесячную зимовку к южным и субантарктическим морям. Но и в южных широтах крачка постоянно мигрирует. Она пролетает двенадцать тысяч километров, когда летит в сторону зимовки, столько же, когда возвращается, и еще непрерывно путешествует в течение шести месяцев зимовки. За год она пролетает порядка девяноста тысяч километров. Если продолжительность жизни такой птицы составит двадцать лет, то за это время она четыре раза покроет расстояние от Земли

---

[10] Жан Ришпен (1849–1926) – французский поэт, писатель и драматург.

[11] Перевод с французского Михаила Яснова.

до Луны.

Про этих птиц говорят, что они дольше других живут в условиях светового дня и солнечного света. И действительно, сначала они проживают в условиях непрерывного светового дня арктическое лето, а потом в таких же условиях проводят зиму на другом краю планеты. Представление крачки об окружающем мире ограничивается голубыми океанами и маячащими вдалеке заснеженными берегами. И только летом она на несколько недель дает себе передышку в тундре среди зеленой травы и ярко окрашенных цветов.

Скажете, что она живет в стране вечных каникул, эта неутомимая путешественница, летящая вдогонку за светом?

Попробуем ответить на такой вопрос: почему она путешествует, эта полярная крачка? И правда, ведь она могла бы оставаться на береговой линии где-нибудь в Европе, в местах с умеренным климатом, или, в крайнем случае, если ей так уж интересно, сунуть свой клюв куда-нибудь в район западноафриканского побережья. Так нет же, она пересекает экватор и держит путь в ревущие сороковые широты. И все это лишь для того, чтобы перед возвращением на север прогуляться вокруг Антарктиды. Ни одно живое существо на планете не совершает столь длительных путешествий, но для чего она это делает, до сих пор точно неизвестно. Правда, недавно проведенные исследования показали, что крачку интересуют те места, где водится наибольшее количество планктона, который для нее является идеальной пищей. А все остальное – дело рук эволюции.

Неизбежно встает еще один вопрос: так ли нам важно знать, зачем полярная крачка каждую зиму улетает в такую даль? В конце концов, ведь мы, люди, тоже совершаем сезонные миграции, когда отправляемся в отпуск. А самые обеспеченные из нас мигрируют даже два раза в год. А что нас заставляет покидать места обычного проживания? Нами движет охота к переменам, стремление увидеть другие берега, желание приобщиться к иной жизни и культуре, непохожей на нашу. Мы хотим увидеть хотя бы малую часть неведомого мира, забыть о повседневности, прервать монотонность текущей жизни. Все эти мотивы запускают механизм возникновения желаний куда-нибудь уехать.

Не только среди птиц, но и среди людей можно встретить как заядлых путешественников, так и домоседов, тех, кого зовут бескрайние просторы, и тех, кого не вытащить из дома. Нам знакомы и те, кто, по словам Жана Ришпена, «одержим жаждой взмыть в лазури голубой», и те, кто ни на что на свете не променяет домашний комфорт. Лесная сова не испытывает никакого желания покидать родной лес, в котором она появилась на свет. Зато стрижу или ласточке, как только они покинули свое гнездо, хочется только одного: поскорее улететь!

Ребенок, который во время путешествия с родителями не может отвести взгляда от всего, что его окружает, когда вырастет, с большой вероятностью превратится в непоседу-путешественника. Чем больше он сделает открытий, тем больше будет хотеть открыть что-нибудь еще. Он будет страстно желать добраться до затерянных уголков планеты, стремиться попасть в такие невероятные места, о которых мог лишь мечтать, перелистывая страницы атласа. А ведь он и не надеялся, что когда-нибудь доедет до сирийских пустынь, кавказских ущелий, корейских островов, бразильских джунглей…

Вслед за птицами и мы можем сказать: «Путешествия формируют юношество». Во время первого путешествия полярная крачка запоминает путь, по которому она будет летать во взрослом возрасте. Когда ребенок, собираясь уехать на каникулы со своими родителями, изучает атлас, ищет сведения о далеких странах, он тем самым создает некий ритуал, которому во взрослой жизни будет следовать при подготовке к очередному путешествию. Из каждого путешествия мы возвращаемся немного другими.

> Каждое путешествие меняет взгляд на мир, а это оберегает нас от ухода в себя, от изоляции от общества, от боязни других людей или ненависти к ним. Каждое путешествие учит нас солидарности и взаимопомощи. В этом мы похожи на перелетных птиц, ведь и они во время долгого пути непрерывно кричат и тем самым поддерживают друг друга.

Вернувшись из поездки, мы понимаем, что где-то там оставили частичку себя, но и многое привезли с собой. Раздвигаются горизонты, и это возвышает нас самих. Материальный мир вокруг нас становится более насыщенным, а окружающее пространство – более объемным. Новые встречи как бы открывают нам глаза на все вокруг: на образ жизни других людей, на самих людей, природную среду. А еще путешествие помогает нам узнать себя, оценить собственную выносливость, способность переносить нехватку сна, дискомфорт, понять наши адаптационные возможности. Чтобы узнать правду о себе самом, полезно забраться на край света и пожить там в условиях другого часового пояса, испытывая хроническую усталость. А быть может, именно этого мы и ждем от путешествий: понимания, в чем состоит наша личная правда жизни.

Как соотносятся иерархия и власть? Ворон и гриф

На высокогорном пастбище в Пиренеях сдохла корова. Два или три крупных ворона долго кружили в небе и наконец сели на землю рядом с тушей и немедленно набросились на нее. Но вскоре появился белоголовый сип. Размах крыльев и внешний вид этой птицы впечатлят кого угодно. Он враскачку подбирается к мертвому животному. При этом сип расправляет крылья, чтобы казаться больше, чем он есть на самом деле. Он ясно дает понять воронам, чтобы они убирались подобру-поздорову. Тем временем на пиршество слетаются все новые сипы. И тут возникает совершенно четкая иерархия, основанная на таких критериях, как ширина расправленных крыльев, сила удара клювом, громкость горлового клекота. Таким образом, каждая прилетевшая птица приобретает свое строго определенное место в этой компании. Первый сип, который еще недавно имел преимущественное право пообедать внутренностями коровы, теперь изгоняется из когорты первосортных сородичей и

скромно ждет, когда освободится место за столом. А вместе с ним ожидают его товарищи по несчастью, вороны, которые и вовсе не котируются в обществе сильных. На этом импровизированном банкете каждый занимает место в соответствии со своей значимостью. Но стоит появиться скорой на расправу лисице, как все благородное общество немедленно удаляется, чтобы не мешать ей спокойно пировать. Сначала должны насытиться доминанты, затем придет черед «не совсем доминантов» и только потом – «совсем не доминантов». Но вот дошла очередь и до воронов: они обрели уверенность и могут занять место на пиру. Другие участники пиршества, похоже, объелись, а может быть, слишком быстро ели и теперь способны только лежать и переваривать пищу, вороны же спокойно вкушают остатки, которые уже не влезали в доминантов. Пожалуй, и впрямь стоило не суетиться и спокойно подождать!

Примерно то же самое происходит в другом уголке земли, в болотистой местности, где так же выясняют отношения разномастные конкуренты. Возьмем прибрежных птиц, мелких аистообразных, обожающих тину и выяснение отношений. Последнее особенно характерно для самцов. Как только приходит весна, эти кавалеры обзаводятся воротничками из ярко раскрашенных перьев с самыми немыслимыми сочетаниями рыжего, черного, серого и белого цветов. На специально выделенном пространстве, именуемом «арена», они в течение всего светлого времени суток бьются между собой за благосклонность самок. А те совершенно безразлично ходят по краешку ристалища и активно ищут что-нибудь съедобное. Возле них жмутся так называемые бета-самцы, которые не являются доминантами (в отличие от «альфа-самцов»). Воротничок у них, как правило, скромный, чаще всего белый. Можно ли сказать, что они не более чем зрители на выступлении альфа-самцов, раздувающих перья и храбро задирающих друг друга? Да, конечно. Но не только зрители… Пока самцы-доминанты разбираются между собой, некоторые второсортные самцы не теряют времени понапрасну и, пользуясь представившейся возможностью, украдкой добираются до одной из невест, которая скромно держится в сторонке.

В повседневной жизни нередко приходится видеть крутых парней, демонстрирующих свою мощь – физическую или моральную, – которая, по их мнению, должна произвести впечатление на окружающих. Эти «лидеры» – от политики, спорта, идеологии, бизнеса – влияют на нас, но лишь в том случае, если мы сами того хотим. А если вы стараетесь держаться от них подальше, идете по жизни своим путем и лишь изредка поглядываете на тех, кто пускает окружающим пыль в глаза, это не значит, что ваша собственная жизнь менее интересна, несмотря на то что у вас нет таких же конкурентных преимуществ. Неужели вам кажется привлекательным образ курицы, которая задирает клюв, пытаясь показать своим сородичам, кто тут главный, вместо того чтобы направить все силы на поиск пищи? С курами-«доминантками» часто такое случается: пока они стараются демонстрировать свою власть, их «безродные» сородичи, которые предпочитают набивать себе брюхо, тащат у них из-под носа еду.

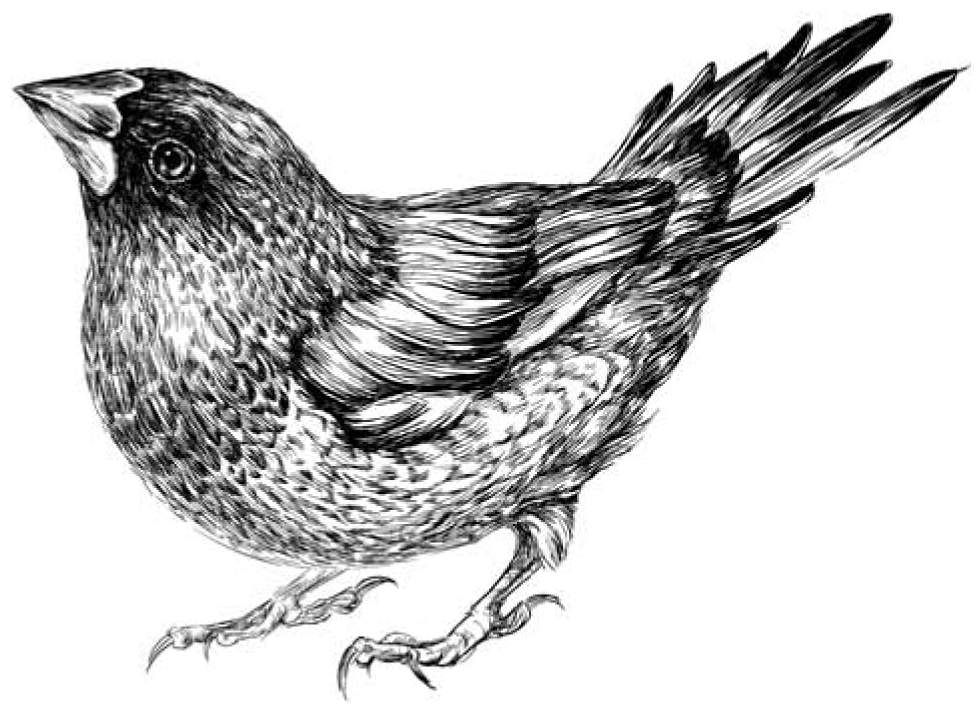
Что реально мы приобретаем, когда дорываемся до власти? Не кажется ли вам, что реально за ниточки дергает тот, кто держится в тени? Не тот ли лучше всех устроился в жизни, кто не лезет на глаза, но все делает по-своему? Иерархия подобна игре: на подъем на вершину пирамиды мы тратим гораздо больше времени, чем на пребывание там. В животном мире (это относится и к птицам, и к млекопитающим) имеется неисчислимое количество примеров, когда самец-доминант тратит последние силы, чтобы забраться на вершину иерархической лестницы, но, обессилев, не может достаточно долго продержаться на самом верху, и вскоре кто-то другой занимает его место.

> Получить признание, а вслед за ним и власть – разве не это самое желанное и ценное в жизни? Но в действительности тот, кто карабкается к вершинам славы и власти, рискует утратить жизненные ориентиры. Ведь чем ближе мы к вершине, тем хуже различаем детали, видим «мелочи», в которых заключена вся соль.

Так ли уж счастливы политические лидеры, звезды шоу-бизнеса, руководители

крупнейших компаний? Представьте себе, что вы добрались до вершины славы (или карьеры), а там вас уже поджидают: либо конкурент, который намерен вас вытеснить, либо бета-самец, который намерен превратить вашу жизнь в ад. Но если в мире птиц победивший альфа-самец хотя бы соблазняет самок, отвоеванных у конкурентов, то разве можно рассчитывать на такую же добычу в мире людей? Женщины стали независимыми, и теперь они самостоятельно распоряжаются своей жизнью и выбирают себе спутников. Результаты исследований наглядно показывают, что бета-самец в конечном счете надежнее и он более внимательно относится к своей подруге. Интересно почему? Возможно, потому, что он знает, что возможности выбора у него не велики? Это хорошо усвоили некоторые птицы, в частности, чернозобики, относящиеся к ржанкообразным. У них самка скорее выберет не крупного и жирного самца, а мелкого. Почему так? Потому что мелкие самцы – они всегда живчики, лучше защищают территорию и птенцов, чем жирные, которые и летают тяжело, и хуже противостоят хищникам. Так кого стоит выбирать – бета-самца или альфа-самца? Тут все зависит от вашей жизненной стратегии.

Я счастлив просто оттого, что я живу. Веселый, как зяблик

В Морбиане дует сильный ветер. Он треплет волосы, уносит головные уборы. От холода краснеют и горят щеки. А вот чайкам, населяющим порт, вроде все это нравится. Они кружатся, планируют, срываются в штопор и опять набирают высоту. Этим воздушным акробатам ничего конкретного не надо, они просто развлекаются. Возможно, именно в этом и заключается смысл птичьего счастья: играть с ветром.

Мы находимся в Оверни, в департаменте Канталь. Заканчивается день, уже садится солнце. В сентябрьском воздухе разлиты покой и тепло. Но что это! Прямо посреди дороги хлещет струя воды. Как будто само по себе включилось неотрегулированное поливочное устройство и струи воды бешено бьют во все стороны. Тысячи капель сверкают в лучах солнца. Оказывается, на дороге образовалась яма, она наполнилась водой и в ней купаются десятки скворцов. Если посмотреть, как скворцы машут крыльями и разбрызгивают воду, то можно подумать, что они намерены опустошить несчастную лужу, в которой до появления этой организованной банды мирно отражалось бескрайнее небо. И вот прежняя лужа превратилась в общественную баню, и в ней, словно дети в бассейне, плещутся скворцы. Глядя на их буйство, невольно думаешь: а не в этом ли бодрящем дружеском купании заключается счастье скворца?

Таковы скворцы, чайки, но то же самое можно сказать о горлице, греющей на солнце крылья, о дрозде, который только что проглотил червяка и теперь с очень довольным видом красуется на ограде, о цапле, которая, стоя на одной ноге и раздув перья, дремлет с полузакрытыми глазами… Птицы часто и продолжительно находятся в состоянии счастья, игры, покоя, беззаботности.

> Какими словами можно выразить птичье счастье? Описанием набитого брюха? Или счастье – это когда не надо опасаться хищников, когда можно, не страшась угроз, погрузиться в свои мелкие заботы? Счастье начинается с отсутствия беды. Примерно так же в целом обстоит дело и у нас.

Но бывает ли у птиц депрессия? Может ли птица впасть в пессимизм, бывает ли у нее плохое настроение? Конечно, в природе такое не встречается, во всяком случае, долго такое продолжаться не может. Грусть и подавленность часто связаны с тем, что вас неотступно преследует прошлое или же сильно беспокоит будущее. Но птицы-то живут настоящим!

Однако и у них бывают заметны признаки тоски, например, когда одна из птиц, живущих устойчивой парой, теряет партнера, когда разрушают гнездо, разбивают яйца. Но нам не известны ни их чувства, ни время, в течение которого они находятся в таком состоянии.

У птицы, живущей в клетке, если условия ее содержания нехороши, могут проявиться признаки депрессии (птица подавлена, ее перья блекнут и выпадают), из-за которой она даже может умереть. Некоторые птицы очень плохо переносят неволю (например, квезаль или скопа) и даже могут умереть. Другие же птицы в неволе способны размножаться (кстати, если животное находится в состоянии стресса, то оно утрачивает способность к размножению) и даже жить дольше, чем в диком состоянии (у животного вероятность дожития сокращается, если оно находится в длительном стрессе). Таким образом, можно допустить, что если животному хватает жизненного пространства (пусть даже оно живет в стесненных условиях), оно полностью обеспечено питанием и свежей водой, получает надлежащий уход и ему не угрожают хищники (нет стресса), то негативные последствия жизни в неволе сглаживаются.

В конце концов, не так-то просто понять, из чего складывается счастье. А как звучит его определение? Немало философов пыталось дать его, отталкиваясь от таких критериев, как мудрость и умеренность. Можно ли считать птиц эпикурейцами, получающими наслаждение от жизни, если они способны к самоограничению, умеют удовлетворяться малым и не склонны к излишествам, от которых сами же могут пострадать? Во многих случаях именно так дело и обстоит. Дикая птица по большей части питается только тем, что ей реально необходимо, то есть воздержанность заложена в саму ее природу.

Но можно привести и примеры противоположного поведения. Скажем, дроздам совершенно не свойственна сдержанность. В животном царстве дрозды известны как любители культовых «пьянок», которым они предаются в осенние месяцы. Дрозды в прямом смысле пьянеют, когда склевывают забродившие ягоды, от которых они без ума. Этими ягодами они наедаются до отвала, и в результате алкоголь, содержащийся в перезрелых плодах, вызывает у них сильное опьянение. Ну а потом кавалеры и дамы начинают летать бешеными зигзагами. Зрелище просто потрясающее! Прощай, Эпикур, здесь торжествует раблезианское счастье: раз представился случай, так промочи себе глотку.

Но если хорошенько подумать, то можно прийти к выводу, что птицы – это, скорее, гедонисты, ведь их конечной целью является получение личного удовольствия. Причем гедонисты раблезианского толка: они стремятся к наслаждению и стараются избежать неприятных ощущений, и как только появляется возможность, они всегда готовы набить себе полный желудок и клюв.

А на такую разновидность мудрости, как стоицизм, птицы вообще плюют с высокой колокольни. Они на все реагируют спонтанно и ни за что не откажутся от доступного удовольствия.

Получается, что птицы не интересуются сущностью счастья. Они просто живут. Когда все у них хорошо, они счастливы. Просто счастливы, и все тут. Не кажется ли вам, что умение не заморачиваться – это уже первый шаг к счастью?

Что есть ум на самом деле? Мозг воробья!

Представители человеческого рода с легкостью приходят в восторг от собственного ума, а поэтому полагают, что они превосходят остальных существ, населяющих землю. А еще мы обожаем классифицировать животных по признаку ума: каких-то мы считаем «умными» (собак, дельфинов, крупных обезьян…) и относимся к ним с уважением, а других полагаем «глупыми», а значит, достойными презрения. Птицы, как и рыбы, за редким исключением, проходят по разряду идиотов. А это неправильно! И вообще, так ли важно знать, что та или иная особь «талантливее» другой?

Кстати, когда пытаются определить, что есть ум, оказывается, что сделать это весьма сложно. Так, тесты на IQ вообще не принимают во внимание то, чем занимается человек. А как прошел бы эти тесты Винсент Ван Гог? А Гийом Аполлинер?[12] Пригодны ли тесты на логическое мышление для оценки умственных способностей деятелей искусств? Утверждают, что ум – это способность к пониманию. Предположим, что так оно и есть, но к пониманию чего? Того, как работает двигатель или красоты окружающего мира? Механики жидких сред или эмоционального восприятия самого себя? Чем способность решать математические задачи превосходит способность писать поэмы, почему добиться звания чемпиона по шахматам – это более значимый признак ума, чем умение гармонично сочетать цвета или божественно играть на скрипке? И вообще определение ума часто извращается теми, кто устанавливает критерии. В действительности существуют и сосуществуют разные типы ума. Например, в наше время уже начинают признавать эмоциональный ум, помогающий жить в гармонии с подобными нам существами, тонко реагируя на

---

[12] Гийом Аполлинер (1880–1918) – французский поэт, один из наиболее влиятельных деятелей европейского авангарда начала XX века.

возникающие в сообществах связи и отношения. С ним также связана способность к адаптации, позволяющая ориентироваться в незнакомых ситуациях.

А как все это проявляется у птиц? Обсуждение данной темы необходимо предварить следующим важным замечанием: требуется большая осторожность, чтобы не спутать ум с эволюционным процессом. Например, живущие в городе большие синицы поют громче, чем их деревенские родственницы, потому что городской шум заглушает их вокальные номера. Значит, чтобы докричаться до партнера, приходится петь громче. Но это не значит, что синица самостоятельно додумалась до того, как следует поступать, чтобы быть услышанной. Это лишь результат адаптации к меняющимся внешним условиям.

Нельзя сказать про птиц, что они тупые. Например, в Америке маленькие колибри очень быстро начинают понимать, что в кормушке добыть сладкую водичку легче, чем в цветке. А еще они научились так увеличивать содержание сахара в кормушках, что его столь высокое потребление становится нежелательным (во всяком случае, если это происходит постоянно, а не эпизодически)!

Или возьмем голубей, которых часто ругают жители городов. Недавно были проведены эксперименты, результаты которых свидетельствуют о том, что голуби различают понятия времени и пространства.

А что уж говорить о семействе врановых, занимающих одно из высоких мест на «интеллектуальной» лестнице животного мира? К этому семейству относятся во́роны, вороны, галки, а также сороки и сойки. Остановимся на сойках. Хорошо известна их способность к предвидению. С наступлением осени сойка начинает создавать крупные запасы зерен и орехов, которые она прячет в разных местах, чтобы питаться ими зимой, когда корма станет недостаточно. Так вот, она их прячет так надежно, что иногда не может вспомнить, где они находятся. Тем самым, кстати, она осчастливливает представителей других видов, которые находят и присваивают сойкины запасы, но также она делает доброе дело для лесника, который получает в ее лице замечательного помощника, ведь сойка разбрасывает семена, которые в будущем станут новыми деревьями. Но вернемся к маленьким хитростям сойки. Когда сойка (или совместно проживающая пара соек) прячет свои зерна и внезапно у нее возникает подозрение, что за ней шпионит другая сойка, намеревающаяся потихоньку стащить ее сокровища, она тут же меняет тактику и начинает притворяться, что прячет зернышки, надеясь обмануть таким образом шпиона! Точно так же умеют прикидываться вороны.

По поводу врановых проводилось множество исследований, и все они захватывающе интересны. В частности, было обнаружено, что некоторые вороны, живущие в естественных условиях, умеют пользоваться инструментами, позволяющими добраться до неудобно расположенного корма. Как и шимпанзе, они способны помогать себе деревянной палочкой или веточкой. Более того, некоторые из них даже умеют изготавливать из веток крюки. Такие умельцы обнаружены в популяциях ворон в Новой Каледонии. А один живущий в лаборатории во́рон согнул кусок проволоки и сделал очень удобный крючок, с помощью которого «выуживал» пищу!

Некоторые вороны даже умеют извлекать пользу из городской жизни. Чтобы колоть орехи, они используют уличное движение! Бросают орехи точно в то место, где автомобили останавливаются на светофоре и переходят улицу пешеходы. Когда загорается зеленый свет, ворона бросает орех, и его сразу давит автомобиль. А когда загорается красный, ворона быстро садится на землю и пирует. Пока не загорится зеленый!

Результаты других исследований свидетельствуют о том, что вороны еще и умеют показывать сородичам, как изготавливать инструменты или использовать ту или иную стратегию. Это в какой-то степени равнозначно передаче знаний. Данная способность встречается у крупных обезьян, а до недавнего времени считалось, что ей обладает только человек.

Наконец, приведем в качестве примера еще один эксперимент, в ходе которого сорока, стоя перед зеркалом, узнавала себя. Ученые нанесли ей на лоб красное пятно, и сорока при

виде пятна начинала его скрести, пытаясь избавиться от него. А еще некоторые птицы (вороны, попугаи…) успешно проходят тест на самосознание, который еще называют «зеркальным тестом». Наши дети успешно справляются с этим тестом только после полутора лет.

Птицы вовсе не глупы, но такой констатации недостаточно. Ум и самосознание присущи не только представителям человеческого рода. Долгое время люди считали, что чем больше размер мозга, тем более развитым является весь вид или отдельная особь (вдобавок ко всему мужчины использовали это представление как аргумент в пользу того, что они превосходят женщин). Птицы своим примером решительно опровергают этот довод. В самом деле, мозг вороны просто крохотный по сравнению с мозгом обезьяны или слона. Но дело в том, что в мозге у птиц в два раза больше синаптических связей[13], чем у любого млекопитающего. Получается, что размер мозга – это не главное.

Мы, люди, не задумываясь, полагаем, что все, что не похоже на человека, стоит ниже его по уровню развития. А некоторые из нас, не жалея времени, ищут доказательства того, что они высшие существа, а другие (те, у кого другого цвета кожа или физические изъяны) низшие. С этих позиций животные всегда считались совсем уж низшими существами, а слово «скотина» считалось равнозначным понятиям «идиот» и «животное». Так вот, будучи одержимыми манией все на свете измерять и классифицировать, мы грешим использованием слишком «человеческих» критериев, когда пытаемся определить ум животных, и в результате оказываемся неспособными понять смысл этого явления.

> Очевидно, что ум человека не имеет себе равных, и тем не менее каждый вид наделен такими интеллектуальными способностями, которые именно ему подходят наилучшим образом. Птицы оказываются умнее нас, когда стоит задача отправиться в путь и при этом не потеряться, своевременно заметить хищника, найти пищу в чаще.

Если это так, то какое имеет значение, что невозможно отыскать двух колибри, играющих в покер?

Давайте с большим смирением и любопытством взглянем на поучительные истории из жизни ворон, соек и их родственников. Нам многому стоит поучиться у этих животных. Возможно, мы поймем, как возникли языки, абстрактное мышление, желания, страхи, разного рода намерения и воображение. Ведь верно, у ворон есть воображение (вспомним инструменты, стратегии), одно это делает их совершенно особым элементом животного мира, в чем-то близким нам, людям. Вспомним Эзопа[14], который две тысячи шестьсот лет тому назад рассказал басню о вороне. Она бросала камушки в большой кувшин, вода в котором была слишком глубоко. Бросала она для того, чтобы в итоге вода поднялась, и ворона могла бы напиться. Уже в те времена ворона считалась чем-то особенным…

Пренебрежительное отношение человека к формам интеллекта или чувствительности животных заставляет вспомнить высказывание Клода Леви-Стросса[15] из книги «Печальные тропики»: «Белые люди утверждали, что индейцы – это те же животные, а индейцы, в свою очередь, подозревали, что белые люди, скорее всего, боги. Оба суждения были одинаково невежественными, но суждение индейцев, разумеется, было более достойным для представителей человеческого рода».

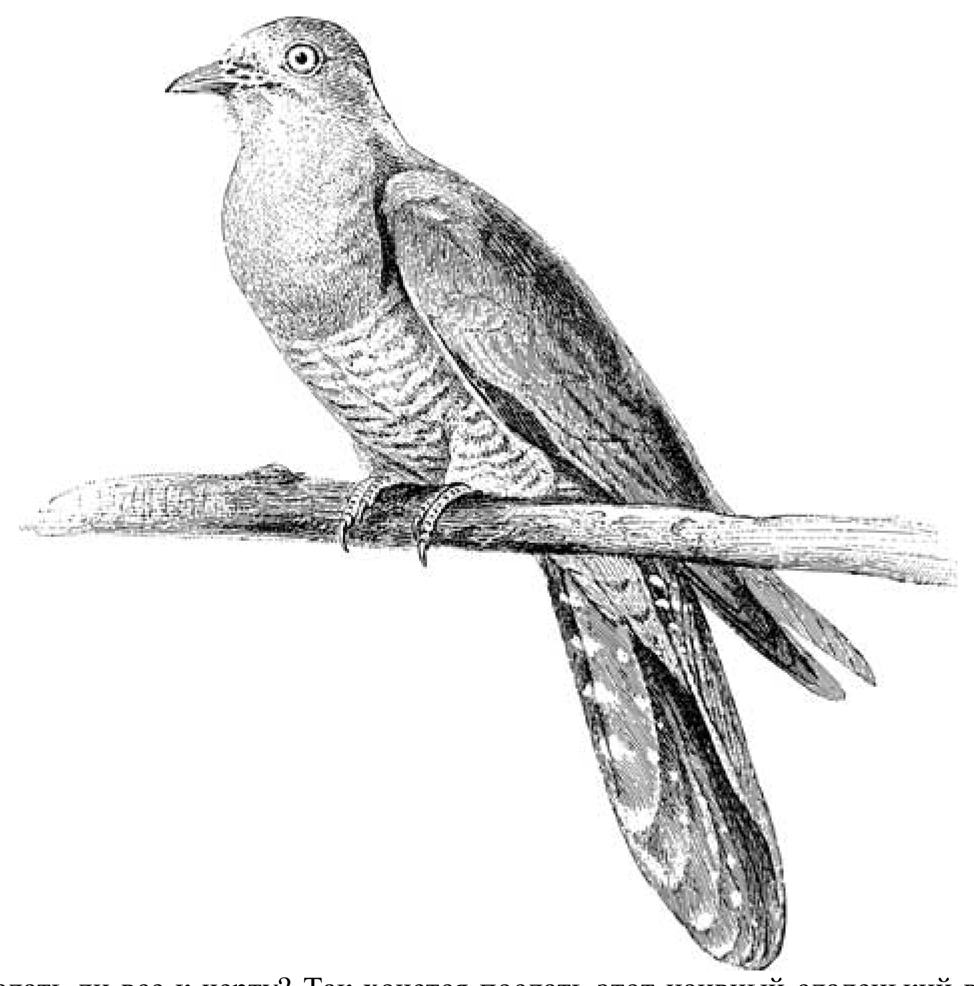
[13] Синапсы обеспечивают передачу нервного импульса между нервными клетками.

[14] Эзоп – полумифический древнегреческий баснописец, живший в VI веке до н. э.

[15] Клод Леви-Стросс (1908–2009) – французский этнолог, социолог, этнограф, философ и культуролог, создатель собственного научного направления в этнологии – структурной антропологии и теории инцеста, исследователь систем родства, мифологии и фольклора.

А что, если уму предшествовало смирение?

Правда ли, что птицы живут по ту сторону добра и зла? Мораль серой кукушки

А не послать ли все к черту? Так хочется послать этот наивный сладенький взгляд на маленьких птичек, которые любят друг друга нежной любовью, и жизнь которых состоит лишь из красивого пения и разноцветных перышек! Такой, знаете ли, идеальный мирок, сошедший с почтовой открытки 20-х годов прошлого века: «маленькие цветочки, маленькие птички»…

В действительности все устроено более сурово и сложно. И это усложнение жизни животных идет параллельно с эволюцией. Возьмем, к примеру, улиток. Их текущая жизнь не отличается трудностями и не предполагает жесткой конкуренции. Поэтому в их поведении не бывает неожиданностей. Если салатный лист хорош на вкус и Бог уберег от сапога садовника, тогда улитка может жить не тужить. Что касается репродуктивной функции, то улитка – гермафродит. Это предоставляет больше возможностей и уменьшает конкуренцию. Млекопитающие, находящиеся на противоположном конце пищевой цепи, часто придерживаются более агрессивного типа существования. У некоторых представителей плотоядных млекопитающих и обезьян похищение сородичей, насилие, убийство детенышей могут быть неотъемлемыми составляющими жизни. К сожалению, к людям это тоже относится в полной мере…

А как обстоит дело у птиц? Что в их жизни может нам показаться хорошим, а что – плохим? Какое влияние эти оценочные суждения могут оказать на понимание жизни птиц? Птицы – не улитки, но и не шимпанзе. Тем не менее некоторые их поступки сильно удивляют. Возьмем, к примеру, серую кукушку, некоторые аспекты поведения которой с точки зрения человеческих представлений могут показаться скандальными.

Вот самка кукушки снесла яйцо в чужом гнезде (явный паразитизм). Только что вылупившийся юнец выталкивает из гнезда уже имевшиеся в нем яйца (а то и самих птенцов), чтобы спокойно питаться тем, что принесет ему пичуга, которая в два-три раза меньше, чем он сам, причем его приемные родители вынуждены безостановочно крутиться, чтобы удовлетворить ненасытный аппетит приемыша. Если бы от нас дать оценку способу выведения потомства кукушкой, то мы, разумеется, назвали бы его аморальным. Кукушка не тратит ни секунды на заботу о потомстве и вполне заслуживает, чтобы на спине у нее было написано DDASS[16] и PJJ[17].

В действительности же стратегия серой кукушки – это результат длительной эволюции. Смысл ее заключается не в «халяве» и не в том, чтобы отравить жизнь представителям других видов. В мире животных главная задача состоит в том, чтобы произвести как можно больше потомков. И по возможности с наименьшими энергетическими затратами. Раскладывая снесенные яйца по разным гнездам, самка кукушки увеличивает шансы на выживание своего потомства. В первую очередь на это работает инстинкт приемных родителей, которые, независимо от размера птенца, будут выкармливать его, пока он не станет самостоятельным. И даже если на гнездо нападет хищник или оно будет разрушено, то все равно остальные яйца сохранятся в целости. Теперь все встанет на свои места: просто кукушка не складывает все яйца в одну корзину!

Другое преимущество кукушки состоит в том, что ее энергетические затраты на воспроизводство практически равны нулю в отличие от большинства других видов, для которых этот период очень тяжел с физиологической точки зрения.

Рассмотрим другой пример. Мальчик гуляет в сквере с пакетиком в руке и жует конфеты. Внезапно налетают два хулигана, отнимают у ребенка лакомство и удирают, как зайцы. Мать кричит в голос, ребенок плачет. Сцена вполне банальная, и, чтобы дать оценку этому отвратительному поступку, не приходится долго думать.

А как посмотрят на ту же ситуацию птицы? Знаете ли вы, кто такие поморники? Скорее всего, нет. Это большие темные морские птицы. В полете они выглядят гордо и элегантно, а по жизни они паразиты, потому что живут поморники тем, что отнимают пищу у других. Поморнику и в голову не придет заниматься честным рыбным промыслом, как это делает крачка, его «любимая» жертва. Поморник ждет, пока рыбу поймает какая-нибудь птица, а затем нападает на нее и долго преследует. Дело кончается тем, что жертва «откупается» от бандита собственной добычей. Внешне это выглядит как захватывающее воздушное представление, и называется оно «клептопаразитизм». С точки зрения человеческой системы ценностей действия поморника аморальны и должны быть строго осуждены. Причины такого поведения остаются непонятными, ведь, в отличие от самки кукушки, воровская добыча поморника с точки зрения энергозатрат обходится ему слишком дорого. Окупаются ли затраты на преследование полезным эффектом от добычи?

В человеческом обществе такое нередкое явление, как воровство, подвергается строгому осуждению. Зато для многочисленных представителей животного мира воровство – это важная составная часть их жизненной стратегии. А что думают по этому поводу жертвы воровства? Оказалось, что крачка, которая часто подвергается ограблению со стороны поморника, в определенные периоды своей жизни высоко ценит соседство с этим грабителем. Главным образом – в период выведения потомства. Дело в том, что поморники гнездятся в высоких арктических широтах и бдительно охраняют свою территорию. Когда в округе появляется полярная лиса, собирающаяся поживиться яйцами или птенцами, поморник первым дает сигнал тревоги, бросается на млекопитающее и даже зачастую

---

[16] DDASS (Direction Départementale des Affaires Sanitaires et Sociales) – Департаментское управление санитарно-социальной помощи.

[17] PJJ (Protection judiciaire de la jeunesse) – Судебная защита молодежи.

прогоняет хищника. Крачки давно поняли, насколько им выгодно гнездиться неподалеку от поморников, которые защищают их на уязвимом этапе жизни. А впоследствии, когда молодежь встанет на крыло и по завершении годового цикла придет пора собираться в дорогу на юг, никто уже и не вспомнит о нескольких украденных рыбинах и не усомнится в целесообразности взаимовыгодного соседства. В данном случае рыба – это та жертва, которую приходится приносить во имя сбалансированного сосуществования.

> Понятия «хорошо» и «плохо» глубоко укоренились в нашем подсознании и кажутся нам очевидными. А между тем мораль эволюционирует как во времени, так и в масштабе отдельных сообществ. То, что хорошо сегодня, не обязательно считалось хорошим вчера, а то, что плохо здесь, не обязательно расценивается так же в другом месте (даже если главные фундаментальные запреты везде одинаковы).

Род человеческий отличается от других видов тем, что развил в себе способность давать моральную оценку поведению, исходя из правил, сформулированных самими же людьми. Причем эти правила иногда меняются.

Но невозможно заставить законы природы выносить суждения о том, что хорошо, а что плохо. Наблюдение за жизнью птиц в некоторых случаях помогает нам задумываться над вопросом: а что действительно хорошо и что действительно плохо? Во времена нацистской оккупации те, кто прятал евреев, сами становились вне закона. Им говорили, что они поступают плохо, а они на самом деле поступали хорошо. Иногда полезно вспомнить, что понятия «хорошо» и «плохо» не являются естественными. Их вырабатывает человеческое сознание, скорее коллективное, чем индивидуальное, которое также подвержено эволюции.

Стоит ли бояться собственной тени? Паническое бегство зяблика

Зяблик что-то клюет на лужайке. Внезапно он пугается какой-то тени. Не кот ли это? Охваченная паникой птица улетает. Зяблик так торопится, что даже не замечает оконное стекло. Он со всей силы бьется о него, разбивает себе затылок и гибнет на месте. В траве лежит комочек перьев. И все это из-за какой-то тени, которая, возможно, и не была котом. Не всегда страх является хорошим советчиком.

Но так ли далеко мы ушли от птиц? Вот настала ночь, и мы дома одни. Куда же подевалась наша отвага? Где-то что-то скрипнуло, стукнули ставни, из котельной доносится какой-то странный звук, ветер свистит… Даже взрослый человек нет-нет да и подскочит. А кому из нас не приходили в голову невероятные фантазии, действующими лицами которых были воры и кровавые убийцы? Таков и ребенок, которому кажется, что под кроватью засело чудовище. Сколько бессонных ночей довелось провести из-за надуманных страхов, которые

мы стыдливо прячем в глубинах сознания?

Страх – это одна из самых древних эмоций. Симптомы страха одинаковы у человека и птицы: ускорение сердечного ритма, непроизвольное сокращение мышц, вздрагивание, дрожь, иногда крик. Может даже наступить паралич. Испуганная птица, как правило, оставляет помет. Известно, что, испытывая большой страх, человек тоже может потерять контроль над собой.

У птиц, как и у людей, страх заразителен. Большие скопления птиц могут быть охвачены страшной паникой. Когда паника охватывает человеческую толпу, дело может кончиться катастрофой, даже если на самом деле опасности не было и в помине. В таком случае единственной причиной несчастья становится страх. Именно так и обстояло дело, когда зяблик налетел на стекло.

Боятся ли птицы, которые активны днем, как и люди, темноты? Об этом ничего не известно, если не считать того, что, когда наступает ночь, они стараются спрятаться, чтобы спокойно спать в укрытии. Нельзя не отметить, что мы, люди, живем, нарушая естественные ритмы. Наша активность не прекращается даже ночью, из-за чего и было придумано искусственное освещение. Наше зрение устроено так, что мы не можем хорошо видеть в темноте. Поэтому, оказавшись ночью на природе, мы пугаемся больше, чем птицы.

Для птиц и людей характерны примерно одинаковые фобии. Можно сказать, что птицы склонны к «клаустрофобии», они плохо переносят замкнутое пространство. Кроме того, некоторые виды, в особенности те, что склонны к «общественной» жизни, не выносят одиночества и уверенно чувствуют себя только в группе. В том, что касается страха и многих других вещей, люди и птицы очень похожи.

Так зачем нужен страх? Почти все живые существа «запрограммированы» на то, чтобы его испытывать. Страх является нашим спасителем, это чувство охраняет нас, сигнализирует о возможной опасности. Поскольку страх спасает нас, люди, как и зяблики, должны быть благодарны трусам.

Человеческий страх в той или иной степени связан с боязнью смерти. Это основополагающий вид страха. Так же обстоит дело у птиц. Птица боится хищника. Если птица всегда настороже, это значит, что она осознает свою смертность. Нам, мужчинам и женщинам, больше нет необходимости опасаться «хищников» (разве что людей!). Для нас вероятность оказаться нос к носу с тигром или полярным медведем бесконечно мала… Однако мы по-прежнему испытываем страх.

Даже если мы осознаем реальную опасность (несчастного случая, уязвимости детей и т. п.), то и тогда чувство страха появляется у нас в результате работы нашего воображения. В этом мы не отличаемся от птиц, впадающих в панику от одного лишь волнения листвы. Наш мозг настроен на катастрофические, часто неправдоподобные, сценарии, поэтому мы и воспринимаем некоторые события с неадекватным опасением. Разве нам грозит смерть, если мы провалимся на экзамене, если покраснеем в присутствии человека, который нам нравится, если проведем ночь в кромешной тьме, если сменим место работы или, обобщая все сказанное, если что-то пойдет не так? Тогда почему же у нас на все это такая острая реакция?

> Мы же люди, у нас такой развитый мозг! Почему же мы иной раз пугаемся, словно какой-нибудь залетный снегирь?

Страх портит нашу жизнь, погружает нас в состояние стресса. Из-за избыточного беспокойства мы теряем сон и аппетит, ослабевает иммунитет… В некоторых случаях, например когда слабое сердце (это относится и к людям, и к птицам), сильный страх может стать причиной сердечного приступа.

Как же отличить полезный страх от вредного? Страх обоснованный от страха иррационального?

Птица не способна различать такие страхи. В этом наше преимущество: мы можем

задуматься, взглянуть на себя со стороны. Птица в первую очередь прислушивается к своему страху, ведь она должна выжить, взлететь, причем как можно быстрее. Зато мы, как правило, можем контролировать нашу неосознанную тревогу. Правда, с другой стороны, мы в какой-то степени утратили присущую животным способность реагировать на эмоции, сидящие глубоко внутри нас, и понимать, когда к ним стоит прислушаться. Ведь сигнал страха принципиально важен и реально полезен, потому что он способен нас защитить.

«Плохой» страх обездвиживает человека, парализует, лишает воли. Он служит оправданием нежелания рискнуть, он мешает жить в полную силу.

Правда, иногда мы не хотим прислушиваться и к «полезному» страху, сигнал от которого поступает к нам буквально «из внутренностей». Например, когда мы понимаем, что предлагаемая хорошо оплачиваемая должность не соответствует нашим ценностям, и тем не менее соглашаемся ее занять. Или когда чувствуем, что свидания с таким-то человеком не идут нам на пользу, или что этот продавец – жулик. Все это мы чувствуем, но заглушаем внутренний голос.

Почему же так непросто отнестись с доверием к обоснованным сигналам тревоги и подавить ложные? Возможно, надо просто не забывать о наших животных инстинктах и больше прислушиваться к собственному телу и его ощущениям. Мозг может сыграть с нами злую шутку: этот резонер часто требует от сердца, чтобы оно молчало. Чем точнее наш разум и наши эмоции настроены на одну волну, чем меньше мы заглушаем голос чувств, тем лучше мы можем понять, какую информацию ощущения и эмоции стараются до нас донести.

О чем свидетельствует местный «диалект»? Откуда зяблик: из Кале или Марселя?

Людей, тонко чувствующих звуки и музыку, восхищает разнообразие птичьего пения.

У каждого вида птиц свой язык, свои, присущие только им, крики.

Не так давно проводились исследования, направленные на выявление «региональных акцентов» в пении у различных популяций птиц, относящихся к одному и тому же виду. В частности, заметные местные особенности были выявлены у представителей воробьинообразных, таких как клесты-еловики и зяблики обыкновенные, обитающие в лесах, парках и городских садах. Поговорим подробнее о зябликах. Если у вас тонкий слух и вы внимательно прислушаетесь к их пению, то обязательно заметите, что в Страсбурге, Париже, Аяччо и По зяблики поют немного по-разному. Действительно, марсельский зяблик щебечет не совсем так, как зяблик из Бретани! Фразировки у них в значительной степени одинаковы, но в одной местности определенные фиоритуры слышны, а в другой – нет, зато в другой местности трели зябликов имеют особые концовки. Получается, что мы имеем дело с местными диалектами. Но с чем связаны эти различия? Однозначно на этот вопрос ответить трудно. Возможно, формируя конкретный тип пения, специфический для данной местности, зяблики находят способ распознавать земляков. Может быть, таким способом они препятствуют появлению чужаков на своей территории? Такое действительно возможно.

> Одно известно наверняка: зяблик, обосновавшийся в новой местности, должен изменить свое пение, чтобы раствориться среди собратьев. Ну, прямо как у людей!

На улице, в кафе, в поезде мы мгновенно распознаем «неместный» акцент. Некоторые говоры кажутся нам приятными, привлекательными, другие – забавными, а бывают и такие, которые нам неприятны. Неужели это лишь вопрос вкуса? Разумеется, это не так. То, как коллективное воображение реагирует на конкретный акцент, зависит от особенностей его восприятия. Например, французам кажется очень симпатичным квебекский акцент, с которым говорят наши далекие американские «кузены». Зато акцент соседнего региона может показаться нам не столь приятным. Акцент – это как несмываемое клеймо, поставленное на жителе пригорода, парижанине или жителе севера Франции. В любом случае каждому достается тот или иной акцент, и то место на земле, где мы чувствуем себя как рыба в воде, с юных лет накладывает на нас определенный отпечаток. Одни люди гордятся своим происхождением, и их говор им комфортен, а другие стараются избавиться от акцента. Самое забавное заключается в том, что многие люди уверены, что у них и вовсе нет никакого акцента. На самом же деле акцент есть у каждого из нас, но улавливает его только ухо жителя другого региона. И когда мы, подобно зябликам, меняем место нашего обитания, то мы либо перенимаем говор того места, в котором отныне будем жить, либо (и так бывает чаще всего) теряем присущий нам выговор и переходим на более «нейтральные» интонации.

Зяблик, несомненно, прогонит пришельца, пение которого лишь незначительно отличается от его собственного, но и мы в чем-то подобны зяблику, ведь стоит нам услышать «чужой» акцент, как в голове у нас загорается маленькая лампочка, причем происходит это бессознательно. Иногда даже приходится слышать: «А вы не из наших мест!» Складывается впечатление, что акцент способен рассказать о другом человеке больше, чем он сам. И в результате возникают спонтанные реакции, которые не назовешь доброжелательными. И наоборот, когда мы слышим хорошо знакомый акцент, сразу возникает мысль, что говорящий – это «наш человек». Тут же естественным образом возникает симпатия, появляется ощущение, что вы с ним заодно, и легко завязывается беседа. Интересно, а когда в чужих краях встречаются два зяблика, которые родом из одной местности, они так же реагируют друг на друга? Небось думают: «Ага, вы, значит, тоже из наших мест!» Получается, что мы в своем развитии не далеко ушли от зябликов…

Какая из любовных стратегий самая лучшая? Разумная любовь (как у пингвина) или дикая страсть (как у утки)

Есть такое выражение: «животная любовь». Выражение, прямо скажем, не очень изящное, и неясно, есть ли у него смысл. Просто надо понимать, что животные не занимаются любовью. Они совершают половой акт, и ни чувства, ни смущение им не свойственны.

Птицы входят в состав обширной разновидности живых существ, априорно относимых к низшей ступени развития, у которых половой акт видится как некое тупое и грубое действо. Если говорить о крякве, то так оно и есть.

В период любовного ухаживания, а начинается он очень рано, в середине зимы, селезни кряквы, уже успевшие облачиться в свадебное оперение, принимаются суетиться вокруг самок. Проблема состоит в том, что численность самцов часто превышает численность самок. Нередко можно увидеть, как два, три, четыре, шесть джентльменов ухаживают за одной несчастной дамой, а та безуспешно пытается спастись бегством. Напрасные усилия! Ее быстро ловят, и какой-нибудь селезень вскарабкивается на нее. А тут набегает другой и взбирается на первого, третий – на второго… Бывает, что несчастная самка в результате таких атак попросту тонет.

Однако, как правило, птицы так себя не ведут. Как раз наоборот. Конечно, нам не встречались пернатые воздыхатели, услаждающие слух возлюбленной игрой на мандолине. Но что-то похожее имеет место. Возьмем, к примеру, крачек, которых еще называют морскими ласточками за их узкие крылья, длинные раздвоенные хвосты и изящный полет, что придает им определенную схожесть с ласточками. Когда наступает сезон ухаживания, самец не набрасывается, как последний хам, на самку, но делает попытки ее соблазнить. При этом он проявляет терпение и делает ей подарки. Чтобы побудить подругу снести яйца, самец приносит ей мелких рыб прямо в то место, где они построили гнездо (тем самым самец, несомненно, демонстрирует, что он хороший рыбак и готов приносить еду будущим малышам). Подношения довершают соблазнение самки и облегчают процесс совокупления, который происходит весьма деликатно. Кроме того, они укрепляют семейные отношения.

Отныне пара будет совместно растить потомство вплоть до достижения птенцами самостоятельности.

В том же духе действует субантарктический пингвин. Он пылко и настойчиво демонстрирует свою страсть. Самец неутомимо одаривает свою подругу камушками. Он не очень ловко передвигается по земле и поэтому медленно и вразвалку вышагивает бесчисленное количество раз между берегом моря и тем местом, где самка должна снести яйца. Пингвин по одному собирает камни и добросовестно носит их в клюве к месту любовных утех. Принеся камень, он кладет его к ногам самки и отправляется за новым камнем. Когда их набирается достаточное количество, он выкладывает их таким образом (можно сказать, с любовью), чтобы из них образовался бордюр вокруг двух снесенных яиц. В сущности, это совершенно бесполезное занятие, потому что яйца кладутся прямо на землю и никак не защищены. Но вот самке нравятся эти камушки, и она будет ревниво защищать их, если ленивый сосед попытается стянуть камень-другой.

> Можно ли говорить, что некоторые птицы в любви действуют более разумно и осмысленно? Тот, кто подобным образом ставит вопрос, пытается «протащить» человеческий взгляд на рассматриваемую проблему.

Наверняка известно лишь то, что виды, предпочитающие «разумный» подход к любви, избегающие «дикой страсти» и терпеливо соблазняющие свою половину, выполняют репродуктивную функцию надежнее. Для крачек и пингвинов не характерна сексуальная неразборчивость, присущая диким уткам и некоторым другим видам. При этом их поведение гарантирует более успешное завершение репродуктивного цикла, ведь партнеры растят свое потомство в тесном сотрудничестве. А вот селезень кряквы, оплодотворив самку, покидает и ее, и потомство… «Разумная» пара имеет больше шансов нормально вырастить свое потомство, чем виды, практикующие «бурную страсть», в результате которой самка становится матерью-одиночкой. А у людей разве не так? Кто-то наверняка станет искать в этой истории мораль, хотя в действительности в данном случае мы имеем дело лишь с птичьей стратегией по сохранению своего вида.

Зачем нам красота? Ах вы перья, мои перья…

Бабочки, рыбы теплых морей, птицы… Их расцветка радует наш глаз. Мы часто воспринимаем внешний вид этих животных как воплощение совершенной красоты. Что

касается птиц, то они и впрямь несказанно хороши: естественная элегантность полета, форма перьев, в особенности когда перья длинные и служат продолжением силуэта (например, хохолки и нитевидные перья), прочие нюансы, сочетание которых не поддается исчислению. Но вершиной этого великолепия является пение птиц, своего рода музыкальное оформление фестиваля, раскрашенного всеми цветами радуги. В первую очередь это относится к птицам, облаченным в яркий наряд. Впрочем, как будет показано ниже, это наблюдение распространяется не на все виды.

С точки зрения самих птиц их разноцветные перья исключительно важны и имеют в первую очередь функциональное и поведенческое значение. Они обеспечивают общение с сородичами, во время брачных парадов помогают соблазнять будущих подруг, хотя нельзя исключить и самоценность их красоты как таковой.

У людей каноны красоты изначально имеют женское начало, а у большинства видов птиц все обстоит наоборот: яркими цветами украшены именно самцы. Самки облачены в более скромное оперение, чтобы легче было сливаться с окружающей средой. Это объясняется ролью самки в появлении на свет и выращивании потомства. Тусклое оперение надежнее защищает от хищников. Следовательно, это вопрос выживания. Самцы чаще становятся добычей хищников, особенно весной, когда они начинают демонстрировать свое великолепное оперение. Правда, бывают и исключения, когда яркое оперение становится прекрасным инструментом маскировки. Возьмем, к примеру, иволгу обыкновенную, в оперении которой преобладают ярко-желтый и черный цвета. Когда она летит, ее нельзя не заметить, настолько контрастны цвета ее оперения. Но усевшись на дереве (а она лесная птица), иволга становится совершенно невидимой. Так происходит из-за того, что сочетание желтого с черным точно соответствует переливам листвы.

Все эти варианты убранства, сами по себе, как правило, небезопасные, необходимы, когда требуется покорить самку. Чаще всего самка выбирает наиболее приметного самца. Для нее это в определенной мере является признаком жизненной силы и хорошего здоровья. Производитель, выставляющий себя напоказ, – это хороший производитель.

Заметим также, что те виды птиц, которые делят между собой функции и в полной мере объединяют усилия, чтобы вырастить молодое поколение, часто имеют одинаковое оперение. В таких случаях говорят, что у них отсутствует половой диморфизм или, говоря человеческим языком, что они похожи друг на друга. Например, у чаек и ворон трудно различить самку и самца. Необходимо отметить, что у людей, для которых вошло в привычку скрывать свои гениталии, половой диморфизм не всегда ярко выражен, и поэтому его стараются усиливать с помощью искусственных приемов: прическами, одеждой, типичными жестами, отражающими специфику мужского и женского характера, различными духами и даже автомобилями!

> Общепризнанные нормы жестко стоят на страже этой дифференциации. А те, кто осмеливается их нарушать, подвергаются суровому осуждению. На женщину, пренебрегающую эпиляцией, и мужчину, надевшего юбку, обрушивается настолько грубая критика, что впору только удивляться. Интересно, почему мы так боимся перепутать мужчину и женщину?

Но как бы то ни было, у людей красота – это тоже мощный инструмент соблазнения. Ради этого приходится даже применять уловки, искусственно улучшать свой внешний вид. Но разве всегда ради соблазнения приходится идти на обман? Вспомним миф о Леде и возжелавшем ее Зевсе, превратившемся в лебедя, чтобы воспользоваться доверчивостью: соблазнению не всегда сопутствует честность. В этом случае использование искусственных приемов достигло своего пика. Таким же образом поступают самцы некоторых птиц, которые полностью преображаются весной, обзаводятся пышным оперением и утрачивают его сразу после того, как проходит время любви. Это же страшное разочарование! Таковы и мужчины с женщинами, которые выглядят невероятно нарядно и красиво в период соблазнения и обретают обыденную внешность, когда полагают, что их отношения

приобрели устойчивость.

Если копнуть глубже, то выяснится, что у птиц великолепное оперение скрывает один очень важный недостаток. Таким недостатком является отсутствие певческого таланта. Конечно, встречаются и исключения из правила, но большинство видов, у которых самцы отличаются богатым убранством, имеют весьма посредственные певческие способности. А ведь пение – это важный козырь в процессе воспроизводства. И наоборот, лучшие певцы, как правило, довольствуются очень скромным нарядом. Таковы, например, соловей в своей коричневой одежке, черный дрозд, певчий дрозд, украшенный лишь несколькими бежевыми пятнышками и т. д.

Получается, что виртуозы – большие скромники. Можно сделать вывод, что эволюция поставила птиц перед выбором: оперение или пение. Некоторым не досталось ни того, ни другого, как, например, во́ронам и воронам. Но зато им дан ум!

Выходит, что невозможно заполучить все сразу… Но кое-что следует отметить особо.

Невозможно пройти мимо недавно проведенного исследования. Его результаты описывают предпочтения самок одного вида, относящегося к воробьинообразным, а именно чижа обыкновенного. Оперение чижей-самцов окрашено в желтый, зеленый и черный цвета. Так вот, самки выбирают самых ярких не только потому, что они самые красивые, но и потому, что они еще и самые сообразительные. Как такое может быть? Есть птицы, которые самостоятельно не могут синтезировать определенные пигменты (желтые, красные, оранжевые). Они используют для их выработки соответствующий корм, и те самцы, которые успешнее решают вопрос пропитания, имеют более яркую расцветку. Понятно, что это не ускользает от внимания самок. Они понимают, что самый расцвеченный самец лучше других обеспечит питанием не только себя, но и потомство. В данном случае «красота» служит важным маркером в процессе отбора. Чиж-самец сигнализирует самкам о своих способностях при помощи оперения. В конце концов, красиво одетые мужчина или женщина тоже притягивают внимание окружающих. Значит, соблазнение в значительной мере зависит от способности показать себя при условии, что делается это с умом. В общем, в ходе селекции, которая происходит в рамках процесса продолжения рода, без пускания пыли в глаза не обойтись. Ну а читатель пусть сам делает из этого выводы.

Учиться жить, учиться умирать. Ласточки прячутся перед смертью

Считается, что птицы прячутся перед смертью. И это правда. Если не брать в расчет разбившихся об автомобиль или оконное стекло, то попадалась ли вам когда-нибудь мертвая

ласточка? Часто ли вы видите трупы птиц? Нет. Потому что, если птица больна или ослабла, тогда ее съедает хищник, но если у нее есть возможность где-нибудь спрятаться, то там она и испускает дух.

Среди птиц не встречаются ни длительно болеющие, ни очень старые особи. Если птица в течение долгого времени не может восстановить свои силы, тогда в дело вступает природа, которая и забирает ее жизнь. Скажете, это жестоко. А может быть, это мы поступаем варварски, когда пытаемся продлить жизнь сверх отпущенного лимита, когда терпим страдания при неизлечимых заболеваниях или обрекаем очень старых людей на недели и месяцы мучений? Природа не позволяет долго терпеть боль. Агония всегда коротка. А физической или умственной деградации просто не существует в природе. В сущности, в мире птиц жизнь устроена мудро.

Монтень говорил, что философствовать – это значит научиться умирать. Но на самом деле это значит научиться готовиться к смерти. Все направления философии и все религии учат нас, что наилучший способ примириться с мыслью о нашем неизбежном уходе и неизбежном уходе тех, кого мы любим, – это жить сейчас и в полную силу. Жить, умея распознавать то, что нам дает жизнь, и наслаждаться этим: лучом солнца, сочным персиком, неожиданной улыбкой, кольчатой горлицей, которая прилетела в наш сад и что-то клюет, хохлатой синицей, которая, сидя на ветке, выделывает акробатические номера… Но нужно ли синичке примиряться с мыслью о смерти? Нет, конечно. Потому что она и так пользуется каждым счастливым моментом, наслаждается каждым проглоченным зернышком и каждым лучом света. Синице не требуется, чтобы ей открывали эту истину, ей нет нужды философствовать, она и так живет в полную силу без оглядки. Значит, птицы – это мудрецы? Синица не думает о будущем, она ничего не планирует, ничего не откладывает на завтра, не полагает, что то или иное лучше сделать позже. Она просто живет.

Сколько раз на дню приходится слышать от разных людей, что жизнь их наладится «позже»: когда они встретят свою любовь или, наоборот, разведутся, или когда поедут в отпуск или выйдут на пенсию, когда найдут другую работу или закончат большой труд, когда получат прибавку к жалованью… Но «позже» зачастую превращается в «слишком поздно». Мечтать, конечно, надо, и некоторые изменения в жизни, безусловно, полезны. Но жизнь-то происходит здесь и сейчас.

> Кто знает, будем ли мы еще живы этим вечером? Кто знает, сколько времени нам отпущено до смерти? И кто знает, сколько еще отпущено тем, кого мы больше всего любим? Почему бы хоть немного не пожить как птицы, полностью отдаваясь настоящему, чтобы на пороге смерти наше сердце не переполнялось печалью.

Птицы не думают о своей будущей смерти. Счастье птиц состоит в том, что им, в отличие от нас, не требуется понимание и осмысливание смерти. Хотя это не мешает им осознавать свою уязвимость и конечность своего существования, не мешает тратить все силы на выживание и опасаться любого хищника. И ведь, правда, совершенно незачем думать о смерти, изводить себя мыслями о ней, когда никакой опасности нет и в помине, потому что это ничего не меняет.

Жизнь и смерть едины, одно без другого не существует, и этот закон непреложен для всех: людей, животных, растений. Наша жизнь наполнена смертями, трауром, разрывами, начинаниями, возрождениями. И к тому же с биологической точки зрения ничто не умирает полностью: после нашей смерти атомы, из которых мы состоим, не исчезнут, они найдут свое место в новом жизненном цикле, и некоторые из них воплотятся в земляном черве или цветке, которые, возможно, съест птица, и так до бесконечности. На этих циклах основывают свою философию азиатские мудрецы. Западное видение более линейно, потому мы и забываем об этом. Но природа и птицы с полным основанием напоминают нам о круговороте жизни.

Возможно, и нет нужды учиться умирать. Надо просто научиться жить.

Вывод. Адаптироваться или исчезнуть?

В нашем бурно меняющемся мире с его глобальным потеплением и деградацией окружающей среды многие виды птиц исчезают буквально на глазах. Ну а мы? Выживем ли мы в том искусственном мире, который сами создаем?

Как в далеком прошлом различные виды приспосабливались к изменению окружающей среды? Это одна из главных проблем эволюции, управляющей процессами появления и исчезновения любого вида. Правда, мы, люди, полагаем, что уж нас-то минет чаша сия: ведь мы обладаем мощным интеллектом, или в крайнем случае вмешается Божий промысел. И вообще это все не про нас. Но тем не менее…

Дарвин первым открыл нам глаза на великую эволюционную машину, благодаря которой с момента зарождения жизни на земле появились на свет, существовали и исчезли миллионы видов живых существ. Один вид трансформировался в другой, тот еще в один вид и так до бесконечности. Если оглянуться назад, то становится ясно, что эволюция происходила на протяжении чрезвычайно длительных периодов времени. Например, птицы появились примерно сто пятьдесят миллионов лет назад, причем возникли они не за один день. Их предшественниками были динозавры, образовавшие особую группу – тероподы. Птицы считаются единственными потомками этих вымерших животных. Переход от велоцираптора к археоптериксу, а от него к щеглу (для краткости назовем только этих троих) занял миллионы лет. Переливчатые перья, способность долго летать, пение и все прочее возникли не по мановению волшебной палочки. Периоды быстрого увеличения количества видов сменялись массовым вымиранием, а ему на смену приходили другие этапы. Одни виды зарождались, а другие исчезали без следа. Десятки тысяч проб и ошибок порождали эволюционные тупики. Из такой вот глины вылеплялась жизнь птиц, а также млекопитающих и вообще всего живого.

Все эти правила распространились и на человеческий род. Одна из линий приматов завершилась появлением рода Homo, и мы являемся его последним воплощением… по

крайней мере, на сегодняшний день. До недавнего времени Homo sapiens эволюционировал примерно так же, как и другие виды, то есть медленно, приспосабливаясь к окружающей среде и благодаря значительным возможностям своего мозга улучшая условия своего существования и состояние здоровья, способствуя тем самым росту продолжительности своей жизни. Постепенно человек позволил и другим сосуществующим с ним видам воспользоваться его собственными возможностями и преимуществами (так появились домашние животные, кошки, собаки, лошади и т. п.). Но в отношении всего остального живущего на Земле действует все та же эволюционная машина. В полной мере это относится и к птицам.

Все, что ни делалось, делалось к лучшему в этом лучшем из миров, пока человек не нажал на педаль газа. Обустраивая планету, подчиняя ее своей власти и нарушая тем самым естественное равновесие, человек в результате своей деятельности привел экосистемы в колоссальное расстройство и даже умудрился за несколько десятилетий изменить климат на планете. Воздействию человека подверглась даже продолжительность периодов времени, необходимых для эволюции видов. В настоящее время человек живет в условиях необычайно спрессованного времени: двигаться необходимо все быстрее, больше производить, больше строить, быстрее менять наше собственное поведение, не давать себе передышки.

Но живая материя не готова к такому темпу. Мощное воздействие человека на природу ставит многие виды перед выбором: адаптироваться (и как можно быстрее) или исчезнуть. Поэтому сейчас ученые с уверенностью говорят о шестом по счету массовом вымирании, результатом которого станет радикальное сокращение биоразнообразия, что, в свою очередь, приведет к еще более масштабному разрушению экосистем.

Возможно, нам возразят: ведь это не первое вымирание, ведь их уже было пять, и все они произошли еще до появления на земле человека. И всякий раз жизнь начиналась сначала. В принципе это так, но нынешнее вымирание имеет серьезные отличия от предыдущих: оно явилось результатом жизнедеятельности человека. Кроме того, предыдущие вымирания происходили в течение относительно длительного времени, достаточного для восстановления разнообразия живой материи. А нынешнее вымирание идет взрывообразно и не оставляет надежд на быстрое восстановление биоразнообразия.

Давайте раскроем глаза и уши. Тем, кто интересуется всем, что летает и поет, остается лишь констатировать, что количество жаворонков, ласточек и других птиц сильно сократилось, причем произошло это в течение чрезвычайно короткого периода времени (за несколько десятков лет, а это – мгновение в масштабе эволюции). Можно привести в качестве примеров виды, сумевшие очень быстро адаптироваться. Но для большинства видов приспособиться к экосистемам, которые непрерывно трясет, трудно, а в действительности и невозможно. Поэтому не стоит удивляться тому, что из десяти тысяч видов птиц, населяющих планету, до конца XXI века исчезнут порядка 25 %. Вымирание грозит тысячам видов животных и растений.

Особые виды птиц и виды, проживающие в географически обособленных экосистемах, являются самыми уязвимыми, и их, разумеется, первыми сметет с лица планеты. Но и нам самим не стоит расслабляться. Возможно, придет время, когда под маховик вымирания попадут и наиболее способные к адаптации виды. И в числе первых среди них будет человек, которому предстоит стать жертвой эволюционной катастрофы, вызванной тем, что его перестала слушаться его же педаль газа. Неужели этого мы хотим? Мы хотим, чтобы окружающая нас среда стала недружественной, мы хотим жить в мире, в котором нет птиц? Хотите жить в мире, в котором придется объяснять собственным детям, почему исчезли ласточки? Если мы это допустим, то тем самым подрежем крылья самим себе. Мы полагаем, что стоим выше любых других существ, что способны по своей воле усмирять природу, мы упиваемся собственным всемогуществом. Но ведь все это иллюзорно. Сейчас мы оказались на перепутье. Наша судьба в наших руках и выглядит это так, словно мы держим в руках зяблика. У него, бедняги, чуть бьется сердце, мы чуть не раздавили его своими пальцами, а

он хочет лишь одного – свободно взмыть в небо. И только нам решать – хотим мы разжать руки и выпустить его в полет или хотим… крепче сжать руки. Не кажется ли вам, что ответ тут очевиден? Тот день, когда мы по-настоящему осознаем необходимость обеспечения сохранности птиц, станет также днем, когда мы поймем необходимость сохранения самих себя.

* * *